

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке <http://filosoff.org/> Приятного чтения!

Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова.
Дмитрий Иванович Писарев

I

Сколько лет уже живут люди на свете, сколько времени толкуют они о том, как бы устроить свою жизнь поизящнее и поудобнее, а до сих пор самые простые и положительно необходимые отношения не установились как следует. До сих пор мужчина и женщина мешают друг другу жить, до сих пор они взаимно, самыми разнообразными и утонченными средствами, отравляют друг другу жизнь. Разойтись они не могут, сойтись как следует не умеют и, инстинктивно стараясь сблизиться, запутываются в такие сложные, мучительные, неестественные отношения, о которых свежий человек с здоровым мозгом не может себе составить даже приблизительно-верного понятия. Мужчина гнетет женщину и клевещет на нее. Взгляните на восточные гаремы, вспомните о тех законах, но которым вдова должна была сжигаться на костре покойного мужа, вспомните те странные статьи первобытного уголовного кодекса, в силу которых нарушительница супружеской верности подвергалась смертной казни или по меньшей мере жестокому и унизительному телесному наказанию, - вспомните все это, и вы увидите ясно, что на стороне мужчины всегда находились сила, власть и неоцененное право мучить по своему благоусмотрению подчиненную, безответную и, сравнительно с ним, слабую спутницу. Загляните потом в литературу всех народов, начиная с древнейших времен, пересчитайте, если у нас на то хватит сил и сведений, все ядовитые или просто грязные обвинения, направленные против женщины вообще, и вы увидите так же ясно, что мужчина, постоянно развращавший женщину гнетом своего крепкого кулака, в то же время постоянно обвинял ее в умственной неразвитости, в отсутствии тех или других высоких добродетелей, в наклонности к тем или другим преступным слабостям. Обвинения эти делались, конечно, чисто с точки зрения самого обвинителя, который в своем собственном деле являлся обыкновенно истцом, судьею, присяжным и палачом. Если, например, молодому образованному греку времен Перикла было скучно сидеть с своею женою, которая не знала ничего, кроме своих рыбинь и шерстяной пряжи, то он громко обвинял ее в тупоумии и уходил с веселыми приятелями к модной гетере, где, конечно, находил полное сочувствие своему семейному горю, а вслед за сочувствием отыскивал и утешение. Жена, существо молодое, свежее, способное развиваться и наслаждаться, оставалась одна, не смея даже роптать, с тихим, затаенным вздохом принималась опять за пряжу, робко поджидала возвращения господина-супруга, стыдливо принимала его полупьяные ласки и, не получая ниоткуда притока свежего воздуха, постоянно тупела и с каждым днем сильнее и сильнее надоедала своему мужу. Возьмем другой пример.

Если богатый мусульманин, владетель великолепного гарема, не имел возможности любить с одинаковою силою всех своих жен и любовниц и если одна из оставленных одалиск искала себе утешения в какой-нибудь посторонней привязанности, если она успевала склонить стражу и украдкой ввести в гарем своего возлюбленного, - хозяин и властелин считал себя смертельно оскорблением и самым жестоким образом вымешал свою обиду на своей возмущившейся собственности. Эта собственность зашивалась в мешок и отправлялась на дно ближайшей реки или немилосердно уродовалась палками, плетью, розгами и другими исправительными орудиями, принадлежащими к той же категории.

Но все это, скажет читатель, примеры, взятые из отдаленного прошлого или из другой, уродливо сложившейся цивилизации! Хорошо, возьмем пример из наших времен и из нашего быта. Года четыре тому назад в нашем отечестве был поднят вопрос о воспитании; появилось несколько педагогических журналов, и в них, между прочим, заговорили очень речисто о женщине. На наших женщин напали с двух сторон: во-первых, их раскритиковали в пух как воспитательниц; во-вторых, - как часть воспитывающегося и вырастающего молодого поколения. Матерям и воспитательницам наша литература говорила брезо всяких обиняков: "Вы воспитываете скверно, вы сами пусты, вы живете нарядами и выездами, вы не думаете о страшной ответственности, которая лежит на вас перед обществом, перед родиною, перед собственною совестью. Покайтесь и обратитесь на путь истины". Обращаясь к воспитанницам, литература наша даже их умела обвинить в том, что они получили с самых малых лет скверное направление, что они не любят науки, равнодушны к интересам своего развития, обожают своих учителей, начинают кокетничать чуть не с пеленок и, достигши шестнадцатилетнего возраста, норовят выйти замуж за кого попало. Я возьму только один факт этого обвинения и докажу

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. вам, что по своей идеи он нисколько не лучше тех двух примеров, которые я привел выше.

В первом примере грек дуется на свою жену за ее неразвитость, которую он же сам поддерживает в ней своим обращением с нею.

Во втором примере мусульманин колотит свою одалиску за неверность, которую он же сам вызывает своею невнимательностью.

В третьем примере литераторы наши ругают женщин за их ветреность, за их пустоту, которая поддерживается складом всего общества и в которой виноваты одни мужчины, как единственные деятельные члены этого общества.

Наши русские матери плохо воспитывают, - согласен; да где ж им было научиться приемам здравой педагогики? Где им было проникнуться человеческими идеями? Наши матери занимаются устройством своих куафюр или маринованием грибов, - опять-таки согласен. Да что же им делать, когда они ничего лучшего не знают? А не знают они потому, что с ними никто по-человечески не говорил. Виноваты же в этом одни мужчины, потому что мужчины дирижируют оркестром общественных убеждений и являются з. Если выходит разладица, они же сами за это отвечают и на себя должны пенять.

Наши девушки кокетничают потому, что никто не умеет шевельнуть как следует их ума; молодые силы ищут себе исхода и, не находя себе разумного приложения, обращаются на пустяки и тратятся на нелепости; девушка старается выйти замуж - это очень похвально и благоразумно; желая этого, она повинуется естественному голосу физической природы и показывает в себе присутствие свежих сил, потребность любви и наслаждения; кроме того, она очень хорошо понимает, что, выходя замуж, она становится свободнее, чем была прежде, находясь в родительском доме; если она ищет для себя личной свободы, значит, она инстинктивно или сознательно понимает ее цену. Кто стремится к независимости, тот во всяком случае оказывается сильнее, умнее и энергичнее человека, мириящегося с своим подчиненным положением.

Чтобы выйти замуж, многие девушки пускают в ход неблагообразные средства; они стараются понравиться, продают товар лицом, кокетничают; все это очень нехорошо, но опять-таки в этом виноваты мужчины. Если бы мужчинам не нравились кокетки, если бы мужчины требовали от женщин серьезного ума, если бы они не довольствовались легкою грациею, тогда кокетство сделалось бы невозможным. А кричать в литературе против того зла, которое поощряешь в жизни, бесцельно и бесполезно. Валить нравственную ответственность на такое существо, которое в течение всей своей жизни находится в зависимости, несправедливо и неблагородно. Пора, мне кажется, сказать решительно и откровенно: женщина ни в чем не виновата. Она постоянно является страдалицею, жертвой или по крайней мере страдательным лицом. Если случается иногда, что женщина отправляет существование доброго, честного и умного мужчины, то в этом случае совершается только круговая порука. Женщина вымешает на своем муже то зло, которое ей сделали в доме отца; ее испортили, - она и является испорченной; а все-таки в существовании портящих элементов виновата не женщина. Она в полном смысле - слова - продукт известных бытовых форм и условий, и притом продукт, не имеющий никакой возможности заявить свой протест. Даже мужчина, недовольный тою жизнью, на которую обрекают его понятия, укоренившиеся в обществе, бывает принужден выдержать страшную борьбу, - такую борьбу, которая обыкновенно истощает до последней капли живые силы его личности; большая часть мужчин не доводят этой борьбы до конца, смиряются и склоняют голову, признавая себя побежденными; кто остается победителем, тот скоро умирает от последствий непомерных усилий.

Подумайте, что же при таких условиях может сделать женщина? Вспомните, что женщина у нас знает несравненно меньше, чем мужчина, изнежена несравненно больше и также несравненно больше мужчины сдавлена контролем общественного мнения. Мужчина приходит в столкновение с множеством разнообразных сфер; родительский дом, гимназия, университет, департамент или полк, маскарад, трактир, редакция журнала, прилавок торговой конторы - ведь это все школы жизни; положим, что каждая из этих школ сама по себе неудовлетворительна, но зато их довольно много, и каждая из них более или менее дает материалы для критики остальных. Если даже мы видим уродливые явления, то они оказывают на нашу мыслительную деятельность возбуждающее влияние, лишь бы только эти уродливые явления не были утомительно-однообразны. Мужчине есть на чем развиться; что это развитие пойдет вкривь и вкось - в этом нет почти

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. ни малейшего сомнения; но тем не менее первобытный сон ребенка будет нарушен, придется не раз задуматься, "рассердиться, опечалиться, явятся столкновения с разными личностями, с разными сферами; явится борьба, и эта борьба так или иначе начнет обтесывать личность молодого индивидуума, вступающего в жизнь. Те задатки способностей и страстей, которые лежали в темпераменте мальчика, разовьются в дурную или хорошую сторону, смотря по обстоятельствам; сделавшись молодым человеком, этот мальчик помирится с жизнью или восстанет против нее, но во всяком случае он обозначится, по-своему поймет самого себя и станет к окружающей его жизни в какие-нибудь отношения. Личность сложится так или иначе, а у женщины в большей части случаев и этого не бывает. Мужину жизнь вертит и колышет круче, но женщину она давит сильнее. Для того чтобы одна женщина выделилась своим образом жизни из тысячеголовой массы необозначившихся, недоразвившихся и ничем не затронутых индивидуумов, необходимо соблюдение нескольких условий, которые в нашем обществе, при теперешнем складе воспитания и понятий, встречаются чрезвычайно редко.

Необходимо, во-первых, чтобы что-нибудь вызвало на размышления и на критику. Необходим какий-нибудь толчок, который нарушил бы ребяческую полудремоту девушки или женщины. Мужчина встречает такие толчки довольно часто; каждый из нас помнит, вероятно, теплое слово какого-нибудь учителя или профессора, старшего товарища или случайного знакомого, которого светлая личность рельефно вырисовывается на темном фоне будничных житейских воспоминаний; каждый испытал, вероятно, электрическое действие такого слова, после которого приходилось оглянуться на свою прежнюю жизнь, перебрать в уме свои неясные, неперебродившие чаяния и стремления и положить первый краеугольный камень будущим мужским убеждениям. - К таким словам женщины восприимчивее, чем вы думаете: такие слова для них не пропадают даром, они запоминают их чувством, они вырастают и развертываются мгновенно под живительным влиянием такого слова, они привязываются всеми силами молодой и пылкой души - и к этому слову и к тому, кто его произносит; но посмотрите, где, когда, от кого приходится им слышать такое слово? Много ли у нас таких людей, которые способны заговорить с женщиной по-человечески? а из тех людей, которые на это способны, много ли таких, которые достойны этого? Много ли таких, повторю я, которые, вызвав доверие и сочувствие женщины смею, вдохновленной тирадою, не обманут этого доверия и не окажутся мыльными пузырями и ничтожными фразерами? Оглянемся на самих себя; посмотрим, каковы мы сами; посмотрим, что мы, люди дела, люди мысли, дали и даем нашим женщинам? Посмотрим - и покраснеем от стыда! Порисоватьсь перед женщиною изяществом чувств, огородить ее блестящею оригинальностью вычитанной мысли, очаровать ее красивою смелостью честного порыва - это наше дело, на это мы мастера. А дальше, дальше, когда надо эту же самую женщину поддержать, защитить, ободрить, - мы на попятный двор, мы начинаем делаться благоразумными, мы пугаемся того, что мы сделали, мы стараемся залить тот пожар, который сами, сдуру, не спросясь броду, раздули; мы говорим и себе, и другим, и даже женщине: вольно ж было так горячо принимать к сердцу! Надо помириться, надо покориться! да, вот мы каковы, и туда же требуем от женщины, чтобы она была мыслящим существом. И смешно и досадно!

Вот видите ли: стало быть, если даже толчок дан, если даже мышление и критика пробудились, этого еще недостаточно. Женщина во всяком возрасте до такой степени лишена самостоятельности, что первые же проявления этой критики очень легко могут быть задавлены теми людьми, которые составляют обстановку. Молодое существо шевельнется, рванется к какой-то новой, незнакомой жизни, его круто осадят назад; оно заговорит - его осмеют; оно начнет протестовать - ему велят молчать; чтобы победить в неравной борьбе, которая завяжется между молодою женщиною и обстановкою, необходимы или особенно благоприятные обстоятельства, или огромная сила характера. Осуждать ту молодую девушку или женщину, которая начнет борьбу и не выдержит ее до конца, - я не решаюсь. Сил у нее мало - да что же делать? Где было развиться этим силам? На что им опереться? Да и наконец, разве ей самой, этой побежденной личности, склонившей голову и смирившейся перед тем, что вызывает в ней глубокое отвращение, разве ей самой легко жить на свете? Обличать страдалицу, осуждать женщину, сломленную и изнывающую под ее бременем, - это, может быть, высоконравственно и глубоко справедливо, но я предоставлю подобные подвиги другим, тем более, что охотники всегда найдутся.

Итак, получивши расшевеливающий толчок, женщина должна еще получить извне или развить в самой себе силы для протesta и борьбы. Борьба будет самая

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. разнообразная; сначала внутренняя борьба, ломка прежних убеждений и созидание новых; потом борьба с семейными властями, с маменьками, с тетушками, с их матримониальными планами, с их великосветскими предрассудками, с их мещанскою посредственностью и окоченевшою рутинностью; наконец – борьба с общественным мнением, с насмешками, намеками и сплетнями. Возьмем самую простую вещь – труд женщины. Мы знаем внешний факт: некоторые девушки ходили на лекции в университет и ходят до сих пор в Медико-хирургическую академию. {15} Но знаем ли мы внутреннюю, закулисную, семейную сторону этого факта? Сколько домашних споров вызывало, быть может, желание девушки учиться серьезно, сколько раз это желание бывало подавляемо, сколько слез тут было пролито, и какие святые слезы! Если вы, положим, видите сегодня десять девушек на лекции, то почему вы знаете, чего им стоило прийти? И почему вы знаете что на эту лекцию не пришло бы еще двадцать девушек, если бы их не задержали... доводами, насмешками, силою? Теперь идет речь о том, что женщины желают быть допущены к медицинской практике. Вопрос, как вы видите, поднят свежий, но какие иногда встречаются отзывы, – хоть святых вон неси! Например, киевская газета "Современная медицина" в своем фельетоне вздумала позубоскалить на эту тему; {16} она говорит, что женщины-медики будут поставлены в щекотливое положение, если им придется лечить специально-мужские болезни, и потом предлагает этим женщинам-медикам называться докториссами. Это только плоско и, конечно, не может иметь никакого влияния на разрешение поставленного вопроса, но вы посмотрите на дело вот с какой точки зрения: если такие шутки откальваются в печати людьми грамотными, чуть ли даже не учеными, то что же говорится на эту тему конфиденциально, в своих кружках, людьми темными и употребляющими прилагательное ученый не иначе, как с прибавлением существительного гусь... Каково тут будут острить и потешаться над тою женщиной, которая у нас в России первая решится объявить себя практикующим медиком? И ведь эти остроты и потехи будут раздаваться в тех самых семейных кружках, в которых будут подрастать молодые существа, способные проникнуться до глубины души идею о пользе и необходимости женского труда. Какова будет борьба! Каково будет слабой женщине с нежной, тонкой кожей проходить сквозь строй грубых насмешек, наглых взглядов в упор, благонамеренных советов и крупно посоленных острот и намеков! Подумайте-ка об этом, поставьте на место этой пробивающейся личности образ дорогой для вас женщины, и тогда найдите в себе силы бросить камнем в ту, которая ослабеет и спасует на половине дороги. Мне кажется, вы тогда согласитесь со мною в том, что женщина находится у нас в таком положении, при котором она не отвечает ни за что; когда она изнемогает и падает, мы должны ей сочувствовать как мученице; когда она одолевает препятствия, мы должны прославлять ее как героиню.

Если что-нибудь дурно в женщине, так дурна форма, в которую отлиты ее понятия, чувства и действия; а форму эту изготовили мы; изменить ее собственными силами женщина не может; а материал в ней так хороший, так свеж, несмотря на уродливую форму, в которую он втиснут, что он заставляет все забывать; любовь матери, сестры, любовницы, жены разливает на нашу серую жизнь светлые полосы счастья и поэзии. И за что нас любят эти милые существа? И чем мы это заслужили? На этот вопрос мы затруднимся ответить, если не захотим ответить фразой; но в этом избытке любви, которая вырывается из меры и тратится без разбора, в этой кипучей полноте покуда не осмысленного чувства, в этом отсутствии нравственной экономии и рассудочности – заключаются именно задатки будущего богатого развития, будущей широкой, разносторонней, размашистой жизни, будущей плодотворной, любвеобильной деятельности. Что сделает женщина, если она будет развиваться наравне с мужчиной? – это вопрос великий и покуда неразрешимый.

II

Из предыдущих общих рассуждений читатель может заметить две выдающиеся черты: во-первых, то, что я во всех случаях, безусловно оправдываю женщину; во-вторых, то, что я считаю теперешнее положение женщины крайне тяжелым и неутешительным. С этими двумя основными идеями я приступлю теперь к анализу женских типов, встречающихся в романах и повестях Гончарова, Тургенева и Писемского. Я буду выбирать только те личности, которые еще борются с жизнью и чего-нибудь от нее требуют. Женщины, уже помирившиеся с известною долею, не войдут в мой обзор потому, что они, собственно говоря, уже перестали жить.

Те конечные результаты, к которым приводит жизнь, не лишены интереса; их можно изучать как определившиеся факты, как памятники прошедшего; но дело в том, что мы теперь живем тревожной жизнью настоящей минуты; мы чувствуем

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. неотразимую потребность отвернуться от прошедшего, забыть, похоронить его и с любовью устремить взоры в далекое, манящее, неизвестное будущее. Поддаваясь этой потребности, мы сосредоточиваем все наше внимание на том, в чем видна молодость, свежесть и протестующая энергия, на том, в чем вырабатываются и зреют задатки новой жизни, представляющей резкую противоположность с нашим теперешним прозябанием. Наши романисты также поддаются этой потребности, изображая своих героинь именно в тот момент, когда они, под влиянием чувства к мужчине, развертывают все силы своей природы и поворачивают свою жизнь в ту или другую сторону. Этот поворотный пункт в жизни женщины особенно важен; редко удается женщине пойти по той дороге, которая обещает полное удовлетворение ее потребностям и стремлениям; большую частью ей приходится, споткнувшись об какое-нибудь препятствие, свернуть куда-нибудь в сторону и потом, убедившись в невозможности выйти снова на прежний широкий, светлый и ровный путь, жить день за днем, без цели, без определенных желаний, без живого наслаждения. Кто видит женщину в этой фазе развития, тот видит существо большое, слабое, увяддающее, способное молча покоряться, но уже потерявшее силы и желание работать и бороться. В такой отживающей женщине вы не найдете следов той энергии, которая кипела в молодой девушке; в энергии этой заключаются залоги будущего развития, следовательно, чтобы составить себе понятие о том, на что способна женщина, какие силы таятся в ее мозгу, в ее нервах, изучайте ее тогда, когда она еще полна жизни и свежести, а не тогда, когда она измята, избита и обесцвечена влиянием пошлых людей и пошлой обстановки. Берите ее именно в ту минуту, когда она любит и когда, подавая руку избранному человеку, она готова с ним рядом весело идти навстречу труду, лишениям, суду света, упрекам родственников, словом – всем тем передрягам, которые закаляют человека и которые на нашем бесцветном и неточном разговорном языке называются горем и неприятностями.

Роман большей части наших женщин непродолжителен и нерадостен благодаря тому обстоятельству, что наши мужчины из рук вон плохи; а почему плохи наши мужчины, это я, насколько возможно, старался объяснить в предыдущей статье. {17} Большею частью мужчина влюбляется в женщину или тогда, когда он находится в положении неопериившегося птенца, или тогда, когда жуирование жизнью, мелкие дрязги и постоянный разлад между миром мысли и миром действительности измучили и утомили его до крайности. Свежести и силы нет у наших мужчин; они становятся стариками на другой день после того, как перестают быть ребятами; мало того, старческая дряблость живет в них рядом с ребяческою наивностью и неразвитостью; не умея ни одним серьезным делом заняться серьезно, они уже начинают чувствовать себя лишними на белом свете в том возрасте, в котором при нормальном образе жизни должно еще продолжаться физическое и умственное развитие. Делать нечего, заняться нечем, болтать вдохновенную чепуху надоедает – и человек мечется из угла в угол, привязывается к разным искусственным интересам, чтобы хоть чем-нибудь заинтересоваться, и наконец, встретив на своей дороге женщину, которая ему нравится и способна понимать то, что он ей будет говорить, воображает себе, что он в пристани, что цель жизни найдена, что его счастье в руках этой любимой им особы. Но дело в том, что особы и ее обожатель совершенно различными глазами смотрят на жизнь.

Женщину заинтересовывает то, что мужчина говорит ей о жизни; она сама не жила, а покуда только росла или прозябала в родительском доме; а между тем сил пожить и желания пожить в ней набралось много, вот она и слушает с напряженным и постоянно возрастающим любопытством и участием то, что ей говорит ее собеседник о новом для нее процессе, о самостоятельной жизни, в которой человек сам пожинает посевянные плоды и сам несет ответственность за свои хорошие и дурные поступки. Она не замечает того, что ее собеседник устал жить, хотя в сущности очень мало жил; она не замечает того, что ее собеседник постоянно оставался школьником, хотя давно уже покинул университетскую скамью; она воображает себе, что деятельность ее собеседника действительно широка и плодотворна, что жизнь его полна и разнообразна; она готова была бы завидовать ему, если бы она его не любила и не надеялась разделить с ним все наслаждение и всю обаятельную тревогу этой, по ее мнению, деятельной жизни. Она не знает и не понимает, что ее обожатель никогда в жизни не являлся и не явится полноправною, самостоятельною, всесторонне развитою человеческою личностью; она не видит того, что избраник ее сердца бегает как белка в колесе и будет продолжать это общеполезное занятие до тех пор, пока не откажутся служить его руки и ноги; заглядывая из спрятой атмосферы своей девической каморки в рабочий кабинет того человека, которого она желает назвать своим мужем, девушка не замечает того, что она только из одной клетки хочет перейти в другую; эта

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. другая будет, пожалуй, попросторнее первой, да что же в этом толку? - клетка все-таки останется клеткой.

Ошибаясь насчет размеров и значения деятельности, девушка ошибается точно так же насчет самой личности того человека, который, поразивши ее воображение, начинает мало-помалу возбуждать в ней любовь. Она слушает его рассуждения о жизни с страстным воодушевлением и придает его личности часть того огня, который горит в ней самой: она воображает себе, что рассказчик чувствует то же самое, что чувствует она, слушательница; ведь случается же иногда, что человек, с которым произошло какое-нибудь счастливое событие, выходит на улицу и воображает себе под влиянием своего господствующего настроения, что все окружающие предметы, одушевленные и неодушевленные, смотрят на него как-то особенно весело, дружелюбно и доверчиво. Если такой человек одарен значительно долею впечатлительности и фантазии, то с ним может случиться то, что он подойдет к цепной собаке, чтобы приласкать ее, и, конечно, очень быстро печальным опытом убедится в ошибочности своих оптимистических взглядов. Для молодой девушки, воспитывающей в груди своей первое чувство любви, такого рода ошибка почти неизбежна. Идеализировать личность нравящегося человека гораздо легче, чем идеализировать цепную собаку, а последствия от этого и другого могут выйти одинаково скверные, хотя и существенно различные по внешним проявлениям.

Молодой человек, рассказывающий девушке о том, как он развивался, как боролся с обстоятельствами, что перенес и выстрадал, гальванизирует самого себя процессом рассказа и близостью нравящейся ему женщины; глаза его блестят, давно поблекшие щеки загораются ярким румянцем; дикция его оживляется по мере того, как он замечает впечатление, производимое его речью на свою собеседницу; он сам наслаждается своим торжеством: чувство удовлетворяющего самолюбия доставляет ему более сильное удовольствие, чем чувство разделенной любви: в самой пылкой сцене любви он является в одно время и актером и зрителем, и эта несчастная способность смотреть на самого себя со стороны в то время, когда существо свежее безраздельно отдается обаяльному впечатлению минуты, эта несчастная способность, повторяю я, есть верный симптом вялости и дряблости; мозг постоянно бодрствует и господствует над всеми отправлениями организма потому, что остальные нервы притупились и ослабели. А между тем девушка вся находится под обаянием: ни одно слово в рассказе, ни одна нота в голосе рассказчика, ни одно изменение в мускулах его лица или в выражении его глаз не пропадает для нее и не ускользает от ее напряженного, благоговеющего внимания. Новые, неиспытанные и неожиданные ощущения проходят через ее нервную систему с такою непостижимою быстротою, что она в течение получасового разговора переживает чуть ли не два-три года и почти внезапно из взрослого ребенка превращается в любящую женщину. И как она хороша в эту минуту перерождения! И как она, при всей своей чуткости, при всей напряженной силе внимания, не способна отнестись критически к своему собеседнику! Как она горячо верит и как жестоко ошибается! В ней вспыхивает энергия, и в нем вспыхивает энергия; но в ней это первые проблески разгорающегося пламени, а в нем это последние искры потухающего огня. Она после двух-трех теплых разговоров способна решиться на все, а он после двух-трех таких разговоров уже ровно ни на что не способен; она подойдет к нему и скажет: "Ну, что же! мы довольно говорили; пора действовать, пора жить; если между нами есть препятствия, опрокинем их, перешагнем через них. Пойдем навстречу трудам, опасностям и наслаждению". А он, потративши остатки энергии на восторженную речь, чистосердечно удивится тому, что от него еще чего-то требуют; она думает, что разговор есть только начало действия, прелюдия жизни, а он после разговора отдыхает на лаврах в полном убеждении, что разговор есть полнейшее и единственно возможное проявление жизни. Увлеченная его речами, она кидается к нему на шею и в эту минуту забывает и папеньку, и маменьку, и то, что в комнату может войти посторонний человек, и даже то, что она благородная девица, как неоднократно внушили ей воспитательницы. А он, при подобной вспышке действительного чувства, при подобном проявлении свежей жизни, теряется и опускает руки под влиянием чисто комического, глубокого испуга; он не знает, что ему делать с этого женщиною, принявши его слова в таком серьезном смысле; он до такой степени теряет присутствие духа, что не понимает даже того, что ему из деликатности, почти из приличия следует приласкать любящее существо и ответить выражением теплого сочувствия на страстные объятия; он предободруенно просит взволнованную женщину успокоиться, прийти в себя, вспомнить, что их могут застать...

Если эта сцена происходит с девушкою впечатлительную, слабую и нервную, то она разрешается слезами, кончается истерическим припадком и не производит

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. решительного перелома; девушка объясняет себе всю нескладность этой сцены тем обстоятельством, что она сама была расстроена и взволнована; любимый мужчина не теряет в ее глазах своего достоинства, и разочарование происходит уже впоследствии, после целого ряда подобных сцен и нескольких месяцев вялых отношений. Но если действующим лицом в этой нелепой сцене была девушка или женщина сильная, страстная и энергическая, то она сразу понимает, как пошло вел себя в этой сцене нравившийся ей мужчина, она быстро откидывается назад, одним холодным взглядом уничтожает впечатление всего разговора, в одну минуту сосредоточивается в самой себе, и только что начатой роман оказывается навсегда оконченным, без шума, без слез, без эффектных выходок и, невидимому, к обоядному удовольствию героя и героини. А между тем чувство женщины глубоко и несправедливо оскорблено; она обманута в лучших своих верованиях; первое проявление жизни прихвачено морозом, и самая жизнь оказывается надломленной. Зло, конечно, поправимое, но кому же его поправить? Где у нас те люди, которые умели и хотели бы понять страдания женщины и радикально излечить эти страдания любовью, ласкою, удовлетворением той потребности деятельности, которая постоянно волнует мыслящую человеческую личность? Если бы у нас было много таких людей, то во многих отношениях жизнь наша пошла бы не так, как она идет теперь.

III

Из женских личностей, выведенных в романах г. Гончарова, только Ольга Сергеевна Ильинская до некоторой степени заслуживает анализа. В доброе старое время, когда литература считалась роскошью и забавою жизни, от автора романа требовали только блестящего вымысла и разнообразия картин; самые строгие ценители требовали от него нравственного поучения и совершенно удовлетворялись его произведением, если оно изображало борьбу добра и зла и выводило на сцену воплощения разных добродетелей и пороков; одни критики требовали, чтобы непременно торжествовало добро; другие, более догадливые, позволяли злу одерживать победу, но желали только, чтобы зло, подавленное или торжествующее, было представлено в очень отвратительном виде, "во всей наготе своего безобразия", как выражались с добродетельным негодованием эти догадливые ценители. Для одних роман был источником благородной забавы, пособием для успешного пищеварения, чем-нибудь вроде хорошей сигары, рюмки ликера или коньяка! Для других роман был нравоучением в лицах, и эти другие смотрели на первых как на жалких умственных недорослей, как на людей пустых и ничтожных. Эти другие, считавшие себя солью земли и светилами мира, очень много толковали об идеалах и искали идеалов в романах, повестях и драмах. Под именем идеала они разумели что-то очень высокое и хорошее; идеалом человека они называли совокупление в одном вымышленном лице всевозможных хороших качеств и добродетельных стремлений; чем больше таких качеств и стремлений романист называл на своего героя, тем ближе он подходил к идеалу и тем больше похвал заслуживал он со стороны этих высокоразвитых ценителей. Ценители эти хотели, чтобы читатель, закрывая книгу, мог сказать с сердечным умилением: "Да! вот какие должны быть люди! Увы! зачем это я не похож на этого героя и зачем это в моей супруге нет ни малейшего сходства с изящной личностью этой героини?"

Доброе старое время, о котором я говорю, время Грандисонов и Кларисс, для многих добродушных людей еще не миновалось и для многих никогда не минует. До сих пор есть такие высоконравственные люди, которые смотрят на литературу как на проповедь, возвышающую душу и очищающую нравственность; есть и такие, которые видят в ней весьма познавательную забаву; есть даже и такие, которые видят в ней источник всякого зла. Люди последней категории не читают ничего, кроме календарей и деловых бумаг; но зато люди первых двух категорий с наслаждением читают "Обломова"; людей, наслаждающихся чтением романов после сытного обеда, нежит обаятельность языка и спокойствие рассказа] сверх того, их радует и умиляет тщательная отделка мелочей; нужны ли эти мелочи для понимания дела, об этом они не спрашивают; ощущение, доставляемое им романом, приятно, и они совершенно довольны. Люди, ищащие назидания, восхищаются фигурою Ольги и видят в ней идеал женщины; каюсь, господа читатели, года два тому назад и я принадлежал к числу этих людей, и я восторгался Ольгою, как образцом русской женщины. {18} Но наш железный век, век демонических сомнений и грубо реальных требований, образует мало-помалу таких людей, которые даже романисту не позволяют быть фантазером и даже ученому специалисту не позволяют быть буквоядом. Мы нуждаемся, говорят эти люди, в решении самых элементарных вопросов жизни, и нам некогда заниматься тем, что не имеет прямого отношения к этим вопросам. Мы жить хотим и, следовательно, назовем деятелем

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. жизни, науки или литературы только того человека, который помогает нам жить, пуская в ход все средства, находящиеся в его распоряжении.

Но создания г. Гончарова не выясняют нам ни одного явления жизни, и, следовательно, мы можем взглянуть на всю его деятельность как на явление чрезвычайно оригинальное, но вместе с тем в высокой степени бесполезное. Мы не требуем от художника мелкого обличения, но полагаем, что понимание жизни и ясные, сознательные и притом искренние отношения к поставленным им вопросам представляют необходимую принадлежность художника. Г. Гончаров попытался нарисовать образ русской девушки, одаренной от природы значительными умственными силами и поставленной при самых выгодных условиях развития. Картина вышла, на первый взгляд, очень красивая. Благодаря пластичности гончаровского изложения большинство читателей приняли Ольгу за живую личность, возможную при условиях нашей жизни. Первое впечатление говорит в пользу героини "Обломова", но стоит только, не останавливаясь на мелочах, взглянуть на крупные черты этого, характера, чтобы убедиться в том, что он выдуман, как и все то, что когда-нибудь выходило из-под пера г. Гончарова. При первом своем появлении на сцену Ольга выходит из головы автора совершенно сформированной, в полном вооружении, подобно тому как в доброе старое время Паллада-Афина вышла из черепа Зевеса.

Автор пытается объяснить происхождение выведенного им женского характера, но попытки эти оказываются совершенно неудачными. Говоря вскользь о развитии Ольги, г. Гончаров указывает только на два обстоятельства, отличавшие собою ее жизнь от жизни других девушек, принадлежащих к тому же слою общества. Первым обстоятельством является отрицательное влияние тетки, вторым – положительное влияние Штольца. Тетка, заменившая Ольге родителей, не мешала ей делать что угодно, а Штольц в досужные минуты учил ее уму-разуму; первое обстоятельство довольно правдоподобно: сироты обыкновенно растут свободнее, чем дети, воспитывающиеся в родительском доме; они терпят больше горя, но зато развиваются самобытнее и становятся тверже, именно потому, что их не охватывает со всех сторон расслабляющая атмосфера слепой любви и неотразимого деспотизма. Ольге было удобнее развиваться под надзором тетки, чем под руководством матери; но ведь тетка могла дать только отрицательный элемент; она могла до известной степени не мешать развитию, а условия жизни, выбор чтения, кружок знакомых должны были направлять силы молодого ума в ту или другую сторону.

Что мог сделать Штольц? Если бы даже он с неуклонным вниманием следил за проявлениями мысли и чувства в молодой девушке, то и тогда ему одному было бы довольно трудно составлять противовес всему влиянию домашней и общественной обстановки. Но, кроме того, Штольц – "человек деятельный"; он с утра до вечера бегает по городу, он постоянно находится в разъездах; где ж ему быть руководителем и воспитателем молодой девушки? Сверх того, Штольц относится к Ольге как к ребенку даже во время той сцены, после которой он предлагает ей руку и сердце; когда Ольга говорит ему о своем романе с Обломовым, он ей отвечает на ее признания: "Вас за это надо оставить без сладкого, блюда за обедом". Если этот деловой господин, сильно смахивающий вообще на *commis voyageur*, {Коммивояжер (франц.). – Ред.} относится так шутливо к серьезному рассказу девушки о серьезных чувствах и о действительных, Пережитых ею страданиях, то можно себе представить, с какою покровительственною улыбкою он относился к этой девушке, когда она ходила в коротеньких платьях и когда она, как умный, развивающийся ребенок, всего более нуждалась в дружеском совете и в уважении со стороны взрослого. Кроме того, Штольц и сам не отличается значительною высотою развития; когда Ольга, сделавшаяся уже его женою, жалуется ему на какие-то стремления, на какую-то неудовлетворенную тоску, Штольц говорит на это: "Мы не боги", и советует ей покориться, помириться с этой тоской, как с неизбежною принадлежностью жизни. Штольц, очевидно, не понимает смысла и причины этой тоски, но, как человек самолюбивый и самонадеянный, он не решается признаться в своем непонимании и пускается в фразерство. Человек, неспособный понять такую простую вещь, человек, неспособный в решительную минуту поддержать и разумным образом успокоить женщину, опирающуюся на него с полным доверием, конечно, не может иметь на развитие молодого существа того решительного и благотворного влияния, которое приписано Штольцу в романе г. Гончарова. Если Штольц не умеет направить к разумной деятельности силы женщины, уже сложившейся и окрепшей, то каким же образом может этот самый Штольц пробудить и вызвать к жизни силы, еще дремлющие в мозгу ребенка? Есть, конечно, такие люди, которые могут расшевелить, но потом не в силах поддержать доверившуюся им женщину; к числу таких людей принадлежит Рудин, Шамилов, герой стихотворения Некрасова "Саша"; такие люди слабы и

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. порывисты, а Штольц тверд и спокоен; такие люди очень хорошо знают, что надо делать, но у них не хватает сил на то, чтобы исполнить сознанное дело. Штольц, напротив того, мог бы все сделать, но он не знает, что надо делать. Из всего этого видно, что Штольц не имеет ничего общего с людьми рудинского типа; мало того, он поставлен в противоположность к этому типу; он, по мнению г. Гончарова, является живым укором этим людям. Спрашивается, как же этот высокоразвитой, металлически твердый, трезво и спокойно размышляющий человек оказался неспособным вывести жену свою из лабиринта осадивших ее сомнений и стремлений?

Те эпитеты, которые я здесь придаю Штольцу, не выражают моего личного мнения об этой фигуре; этими эпитетами я обозначаю только те свойства, которые г. Гончаров хотел придать своему созданию; я же с своей стороны не считаю Штольца ни высокоразвитым, ни металлически твердым, ни спокойно размышляющим; все эти свойства могут быть приписаны человеку, а я не считаю Штольца за человека. Я вижу в нем довольно искусно выточенную марионетку, двигающуюся взад и вперед по произволу выточившего ее мастера. Еще гораздо искуснее марионетки Штольца выточена другая очень красивая марионетка, Ольга Сергеевна Ильинская; но жизни нет ни в той, ни в другой. Поэтому, говоря о гончаровских лицах, нам приходится только следить за процессом мыслительной деятельности в голове автора; нам приходится не обсуживать выведенные им стороны жизни, а просто решать вопрос, последовательны ли и пригодны ли его суждения. Беру я на себя этот труд потому, что имя г. Гончарова пользуется значительной известностью и, следовательно, мнения его могут иметь некоторое влияние на мысли читателей.

Итак, мы видели, что г. Гончаров думает о развитии женщины: он полагает, что девушке достаточно пользоваться некоторою независимостью и встречаться порою с умным и твердым мужчиной, для того чтобы вполне развить свои природные силы. Те пределы, которых должна достигать эта независимость, не обозначены ясно, потому что отношения Ольги к тетке совершенно не обрисованы и отношения ее к обществу оставлены в тени, с тем замечательным умением, с которым г. Гончаров всегда набрасывает покрывало на то, о чем, по его мнению, неудобно распространяться. Те размеры, в которых должны проявляться ум и твердость мужчины, также не определены с достаточною ясностью; г. Гончаров не дал себе труда подумать о том, чем могут быть искренние и разумные отношения между развитым мужчиной и развитою женщиной, и вследствие этого отношения эти вышли бледны и фальшивы, как казенная фраза на избитую тему. В самом характере Ольги встречаются внутренние противоречия, которые ясно показывают, до какой степени туманны и сбивчивы понятия автора о том идеале женщины, который он сам себе составил и который он хотел выяснить читателям своего романа.

Возьмем отношения Ольги к Обломову. Ольгу заинтересовывает грациозность этой честной, мешковатой личности, которой наивность и природный ум резко отделяются от вычурности и бесцветности тех светских джентльменов, которых до того времени приходилось видеть Ольге. Заинтересовавшись Обломовым, Ольга начинает в негоглядываться, убеждается в том, что он действительно умен, честен, мягок, симпатичен, и начинает чувствовать к нему влечение. Когда эта зародившаяся любовь сделалась заметна для самой Ольги, то она взглянула на свое чувство довольно оригинально; она посмотрела на него как на подвиг, который посыпает ей судьба; она вообразила себе, что ей предстоит обновить Обломова, одряхлевшего от умственного сна, воодушевить его новою энергию и сделать его способным к деятельной, человеческой жизни. Чтобы понимать таким образом свои отношения к любимому человеку, надо стоять на высокой степени умственного развития и обладать огромными природными силами. Кто стоит на такой степени и обладает такими силами, тот неспособен затосковать беспредметною тоскою и не понять причины своей тоски. Если Ольга понимает, что Обломову необходима деятельность, то как же она может не понять, что ей, как энергической личности, деятельность еще гораздо необходимее? Как же она не понимает, что вся ее тоска с любимым человеком, на южном берегу Крыма, среди роскошной, цветущей природы, - не что иное, как неудовлетворенная потребность разумной деятельности? Как, наконец, эта энергическая природа не рвется вон из душной атмосферы спокойного, сонного счастья в живую среду деятельности и тревоги? Как возможно, чтобы Ольга, решившаяся так резко разорвать свои отношения с Обломовым тогда, когда Обломов оказался тряпкою, чтобы эта самая Ольга, повторяю я, успокоилась на плоском ответе Штольца: "Мы не боги" и помирилась с такою жизнью, в которой, сколько нам известно, по словам г. Гончарова, не было ничего, кроме воркования любящего супруга, нянчания ребенка и забот по домашнему хозяйству? Энергическая женщина сама пробила

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. бы себе дорогу к деятельности и взглянула бы с невольным презрением на того мужчину, который решился бы уверить ее, что надо быть богом, чтобы работать и наслаждаться. Но г. Гончаров, расходясь с моим мнением, доказывает, кажется, совершенно противное. Если сгруппировать в общую картину все черты, введенные им в фигуру Ольги, то смысл выдет довольно оригинальный, гармонирующий с основной идеей "Обыкновенной истории". Ольга в крайней молодости берет Себе на плеча огромную задачу; она хочет быть нравственную опорой слабого, но честного и умного мужчины; потом она убеждается в том, что эта работа ей не по силам, и находит гораздо более удобным самой опереться на крепкого и здорового мужчину. Положение ее очень прочно и комфортабельно, но, как вспышка, молодости, у нее является припадок тоскливого волнения. Этот припадок от времени до времени повторяется, постепенно ослабевая; наконец молодая женщина совершенно излечивается, делается спокойной и веселою, и жизнь ее начинает струиться тихим, прозрачным и отчасти усыпительно журчащим ручейком. Г. Гончаров находит, что это сонное спокойствие должно быть признано счастьем; я с ним не буду спорить, потому что у каждого свои понятия о счастье: это - дело личного вкуса. Г. Гончаров в изображении личности Ольги, точно так же как и в "Обыкновенной истории", производит вариации на известные русские пословицы: "жгучая крапива, да уварится", или "кабы на горох да не мороз, он бы и тын перерос"; он видит в проявлениях молодости и свежести дикие вспышки, бесплодные попытки перекрутить все по-своему и постепенно ослабевающие припадки сумасбродства, он смотрит на вещи трезвыми глазами благородного старца и считает развитие человека благополучно доверенным в ту эпоху, когда он начинает располагать свои слова и поступки, сообразуясь с внушениями приличного расчета.

Знаете ли, господа читатели, что вышло бы из "Обломова", если бы этот роман был рассказан писателем, смотрящим на вещи до так благородно, как смотрит г. Гончаров? Вышло бы вот что: Обломов оказался бы беззаботной головою, с поэтическими стремлениями, не находящими себе удовлетворения; он бы вышел похожим на Бельтова; и автор показал бы, что условия жизни, а не лимфатический темперамент мешают ему развернуть свои способности и удовлетворить тем стремлениям, которые от неудовлетворения чахнут и мелеют. Ольга оказалась бы очень умною девушкою, во всей личности которой совершается борьба между энергическим голосом чувственности - с одной стороны, и расчетом - с другой стороны. Ей нравится Обломов; она желала бы отдаваться ему; ее привлекает грациозная беззаботность, спокойная, размашистость этой честной личности; но, с другой стороны, эти самые свойства внушают ей серьезные и благородные опасения. "Ведь этот Обломов, - рассуждает она, - ужасный ротозей; его могут оплести и обмануть так, что он и ухом не поведет; растратит все состояние, работать не сумеет, служить не пойдет, потому что "прислуживаться тошно". Что же я с ним буду делать? Он милый, хороший; мне его поцеловать хочется, у меня к нему сердце лежит, да ведь страшно; ведь он по миру пустит". Пока девушка раскидывает таким образом своим рано созревшим рассудочком, чувство симпатии к Обломову в ней усиливается, она увлекается пылким темпераментом; случайно рука ее попадает в его руку; она наклоняется к нему, слышится звук поцелоя; случай этот повторяется, - она счастлива потому, что находится под обаянием минуты, и потому, что в ней громко говорит голос здоровой природы... Но в это время обаяние вдруг разрушается; ей делает предложение молодой человек, Штолец, находящийся на отличной дороге, подвигающийся к видному положению в обществе, отлично устроивший свое имение и пользующийся репутацией красивого, умного и дельного джентльмена. "Из молодых, да ранний", говорят об этом юноше благородные старцы, и этот-то юноша с подобающей солидностью выражает Ольге искренность и силу своего чувства и, серьезно глядя ей в глаза, предлагает ей руку и сердце. Юноша Штолец действует не без расчета: он знает, что Ольга может рассчитывать на наследство от какой-нибудь тетушки или бабушки; "кроме того, - рассуждает он, - все же будет женщина в доме: больше порядка, изящества, представительности; в том положении, которое мне в скором времени придется занимать, это даже необходимо". Ну, да что тянуть рассказ! Расчет у Ольги берет верх над чувством; она круто обрывает отношения с Обломовым, называет его пустым человеком, хотя самой больно расстаться с милою личностью, и, наконец, скрепя сердце, выходит замуж за дельного Штолца, который представляет что-то среднее между Калиновичем Писемского и Паншином Тургенева. Апофеоз расчета, скептическое отношение к чувству - вот альфа и омега обоих романов г. Гончарова. Эти черты составляют остов характера Ольги; не та девушка хороша, по мнению Гончарова, которая любит сильно и бескорыстно, а та, которая умеет выбирать себе мужа; не тот человек хорош, по мнению г. Гончарова, у которого есть и теплое чувство, и светлый ум, и широкие

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. стремления, а тот, кто, живя с волками, умеет быть по-волчьи. Это совершенно справедливо, и эту глубокую истину, до которой мы, легкомысленные свистуны, {19} никак не можем додуматься, уже давно сознала ученая редакция ученно-литературного журнала "Русский вестник". {20} Одно опасно в этом случае: желая понравиться волкам, подражая под них, как говорит наше купечество, можно завыть так нескладно и нелепо, что даже волкам придется тошно. Да и, наконец, неужели большинство нашей публики волки? Не наговор ли это?

Итак, насчет Ольги Ильинской мы можем заметить, что это характер, неверно понятый и ложно представленный автором. Кто не может ужиться с нами, думает г. Гончаров, тот и дрянь; кто живет припеваючи, тот молодец. Коротко и ясно. Но справедливо ли будет, если я поступлю так: положим, я иду мимо высыхающего прудка и вижу, что карась издается от недостатка воды; в это самое время сотни лягушек прыгают и квакают, пляшут от радости и с наслаждением таскают червяков из жидкой грязи; я останавливаюсь над карасем и, указывая ему на лягушек, начинаю ругать его, зачем он не веселится и не наслаждается благами жизни. Прав ли я буду? Кажется, нет. - Не виноват карась в том, что он родился карасем, и не большая заслуга лягушкам от того, что они родились или сделались лягушками. Один дышит жабрами, другой легкими; один любит светлую воду, другой - жидкую грязь. Ну, и с богом!

IV

С любовью и с полным доверием обращаюсь я снова к нашим менее благоразумным художникам, Писемскому и Тургеневу. У Тургенева мы находим разнообразие женских характеров, у Писемского - разнообразие положений. Тургенев входит своим тонким анализом во внутренний мир выводимых личностей; Писемский останавливается на ярком изображении самого действия. Романы Тургенева глубже продуманы и прочувствованы; романы Писемского плотнее и крепче построены. Тургенев больше Писемского рискует ошибиться, потому что он старается отыскать и показать читателю смысл изображаемых явлений; Писемский не видит в этих явлениях никакого смысла, и в этом случае, заботясь только о том, чтобы воспроизвести явление во всей его яркости, он, кажется, избирает верную дорогу. У Тургенева уловлен смысл нашей жизни, но, рядом с тонкими и верными замечаниями и соображениями, попадаются поразительно фальшивые ноты, вроде построения Инсарова. У Писемского букет нашей жизни, как крепкий запах дегтя, конопляника и тулупа, поражает нервы читателя помимо воли самого автора. Тургенев мудрит над жизнью, и иногда невпопад; Писемский лепит прямо с натуры, и создания его выходят некрасивые, грубые, кряжистые, как некрасива, груба и кряжиста самая жизнь наша, самая неотесанная наша натура. Общая атмосфера нашей жизни схвачена полнее у Писемского, но зато индивидуальные характеры у Тургенева обработаны гораздо тщательнее. Словом, романы Писемского представляют этнографический интерес, а романы Тургенева замечательны по интересу психологическому.

В повестях и романах Тургенева много великолепно отделанных женских характеров. Я остановлюсь только на некоторых; возьму Асию, Наталию (из "Рудина"), Зинаиду (из "Первой любви"), Веру (из "фауста"), Лизу (из "дворянского гнезда") и Елену (из "Накануне").

Ася - милое, свежее, свободное дитя природы; как незаконнорожденная дочь, она в доме отца своего не пользовалась тем тщательным надзором, который душит в ребенке живые движения и превращает здоровую девочку в благовоспитанную барышню. Свободно играла и ревзилась она, бывши ребенком; свободно стала она развиваться под руководством своего старшего законнорожденного брата, добродушного молодого человека, весело, светло и широко смотрящего на жизнь. "Вы видите, - говорит об ней ее брат, Гагин, что она многое знала и знает, чего не должно бы знать в ее годы... Но разве она виновата? Молодые силы разыгрывались в ней, кровь кипела, а вблизи ни одной руки, которая бы ее направила... Полная независимость во всем, да разве легко ее вынести? Она хотела быть не хуже других барышень. Она бросилась на книги. Что тут могло выйти путного? Неправильно начатая жизнь слагалась неправильно, но сердце в ней не испортилось, ум уцелел".

Эти слова Гагина характеризуют и того, кто их произносит, и ту девушку, о которой говорят. Мне могут возразить, что из этих слов не видно, чтобы Гагин смотрел на жизнь широко. На это возражение отвечу, что Гагин принадлежит к числу людей мягких, неспособных вступить в открытую борьбу с существующим предрассудком или завязать горячий спор с несоглашающимся

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. собеседником. Мягкость и добродушие поглощают в нем все остальные свойства; он из добродушия посовестится уличить вас в нелепости; он даже с подлецом постараётся разойтись помягче, чтобы не обидеть его; сам он не стесняет Аси ни в чем и даже не находит в ее своеобразности ничего дурного, но он говорит об ней с довольно развитым, но отчасти фешенебельным господином и потому невольно, из мягкости, становится в уровень с теми понятиями, которые он предполагает в своем собеседнике. Он высказывает о воспитании Аси те понятия, которые живут в обществе; сам он не сочувствует этим понятиям; находя на словах, что полную независимость вынести не легко, он сам никогда не решится стеснить чью-нибудь независимость; зато и не решится отстоять от притязаний общества свою или чужую независимость. Уступая требованиям общественных приличий, он отдал Аси в пансион; когда же Ася по выходе из пансиона постудила под его покровительство, он не мог стеснить ее свободы ни в чем, и она стала делать, что ей было угодно. Что же, спросит читатель, она, вероятно, наделала много непозволительных вещей? О да, отвечу я, ужасно много. Как же в самом деле! Она прочла несколько страстных романов, она одна ходила гулять по прирейским скалам и развалинам; она держала себя с посторонними людьми то очень застенчиво, то весело и бойко, смотря по тому, в каком она была настроений, она... Ну, да что же! Неужели вам этого мало? _Вы видите, что она многое знала и знает, чего не должно было знать в ее годы. Полная независимость во всем! да разве легко ее вынести?_ О, эти две фразы имеют великое значение. Золотая середина! тебе я посвящаю их! "Русский вестник", "Отечественные записки"! {21} возьмите их в эпиграф.

Ася является в повести Тургенева восемнадцатилетнюю девушкой; в ней кипят молодые силы, и кровь играет, и мысль бегает; она на все смотрит с любопытством, но ни во что не взглядывается; посмотрит и отвернется, и опять взглянет на что-нибудь новое; она с жадностью ловит впечатления, и делает это без всякой цели в совершенно бессознательно; сил много, но силы эти бродят. На чем они сосредоточатся и что из этого выйдет, вот вопрос, который начинает занимать читателя тотчас после первого знакомства с этой своеобразной и прелестной фигурой.

Она начинает кокетничать с молодым человеком, с которым Гагин случайно знакомится в немецком городке; кокетство Аси так же своеобразно, как и вся ее личность; это кокетство бесцельно и даже бессознательно; оно выражается в том, что Ася в присутствии постороннего молодого человека становится еще живее и шаловливее; по ее подвижным чертам пробегает одно выражение за другим; она как-то вся в его присутствии живет ускоренною жизнью; она при нем побежит так, как не побежала бы, может быть, без него; она станет в грациозную позу, которую не приняла бы, может быть, если бы его тут не было, но все это не рассчитано, не пригоняется к известной цели; она становится резвее и грациознее, потому что присутствие молодого мужчины незаметно для нее самой волнует ее кровь и раздражает нервную систему; это не любовь, но это - половое влечение, которое неизбежно должно явиться у здоровой девушки точно так же, как оно является у здорового юноши. Это половое влечение, признак здоровья и силы, систематически забивается в наших барышнях образом жизни, воспитанием, обучением, пищею, одеждой; когда оно оказывается забитым, тогда те же воспитательницы, которые его забили, начинают обучать своих воспитанниц таким маневрам, которые до известной степени воспроизводят его внешние симптомы. Естественная грация убита; на ее место подставляют искусственную; девушка запугана и забита домашнею исправкою и дисциплиною, а ей велят при гостях быть веселою и развязною; проявление истинного чувства навлекает на девушку поток нравоучений, а между тем любезность становится ей в обязанность; одним словом, мы везде и всегда поступаем так: сначала разобъем естественную, цельную жизнь, а потом из жалких черепков и верешков начинаем клеить что-нибудь свое и ужасно радуемся, если это свое издали почти похоже на натуральное. Ася - вся живая, вся натуральная, и потому-то Гагин считает необходимым извиниться за нее перед тою золотою серединой, которой лучшим и наиболее развитым представителем является г. Н. Н., рассказывающий всю повесть от своего лица. Мы так далеко отошли от природы, что даже ее явления меряем не иначе, как сравнивая их с нашими искусственными копиями; вероятно, многим из наших читателей случалось, глядя на закат солнца и видя такие резкие цвета, которых не решился бы употребить ни один живописец, подумать про себя (и потом, конечно, улыбнуться этой мысли): "что это, как резко! Даже не натурально". Если нам случается таким образом ломить на коленку явления неодушевленной природы, которые имеют свое оправдание в самом факте своего существования, то можно себе представить, как мы бессознательно, незаметно для самих себя, ломаем и насилием природу человека, обсуживая и

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. перетолковывая вкривь и вкось явления, попадающиеся нам на глаза. Из того, что я до сих пор говорил об Асе, прошу не выводить того заключения, будто это - личность совершенно непосредственная. Ася настолько умна, что умеет смотреть на себя со стороны, умеет по-своему обсуживать свои собственные поступки и произносить над собою приговор. Например, ей показалось, что она чересчур расшалилась, на другой день она является тихою, спокойного, смиренною до такой степени, что Гагин говорит даже об ней: "А-га! Пост и покаяние на себя наложила".

Потом она замечает, что в ней что-то не ладно, что она, кажется, привязывается к новому знакомому; это открытие ее пугает; она понимает свое положение, двусмысленное, по мнению нашего общества; она понимает, что между нею и любимым человеком может появиться такая преграда, через которую она, из гордости, не захочет перескочить и через которую он, из робости, не посмеет перешагнуть. Весь этот ряд мыслей пробегает в ее голове чрезвычайно быстро и отдаётся во всем ее организме; кончается тем, что она, как испуганный ребенок, порывисто отвертывается от неизвестного будущего, которое является ей в образе нового чувства, и с детским доверием, с громким плачем и в то же время с недетскою страстью кидается назад к своему милому прошедшему, воплощающемуся для нее в личности доброго, снисходительного брата.

- Нет, - говорит она сквозь слезы: - я никого не хочу любить, кроме тебя; нет, нет! одного тебя я хочу любить - и навсегда.
- Полно, Ася, успокойся, - говорит Гагин, - ты знаешь, я тебе верю.
- Тебя, тебя одного! - повторила она, бросилась ему на шею и с судорожными рывками начала целовать его и прижиматься к его груди.
- Полно, полно, - твердил он, слегка проводя рукой по ее волосам.

Наша европейская цивилизация как-то так устроена, что она пугает дикарей и мало-помалу истребляет их; Ася в отношении к этой цивилизации находится почти в таком же положении, в каком может быть поставлен какой-нибудь краснокожий стрелок; ей предстоит решить грозную дилемму; надо или отказаться от того человека, к которому она начинает чувствовать влечение, или стать во фронт, войти в ранжир, отказаться от милой свободы; она инстинктивно боится чего-то, и инстинкт ее не обманывает; она хочет воротиться к прошедшему, а между тем будущее манит к себе, и не от нас зависит остановить течение жизни.

Настроение Аси, ее обращение к прошедшему скоро исчезают без следа; приходит Н. Н., начинается разговор, прихотливо перепрыгивающий от одного впечатления к другому, и Ася вся отдается настоящему, и отдается так весело и беззаботно, что не может даже скрыть ощущаемого удовольствия; она болтает почтя бессвязный вздор, обаятельный, как выражение ее светлого настроения, и, наконец, прерывается и просто говорит, что ей хорошо. И это настроение совершенно неожиданно разрешается в весьма естественном желании - повальсировать с любимым человеком.

Все радостно сияло вокруг нас, внизу, над нами: небо, земля и воды; самый воздух, казалось, был насыщен блеском.

- Посмотрите, как хорошо! - сказал я, невольно понизив голос.
- Да, хорошо! - так же тихо ответила она, не смотря на меня. - Если бы мы с вами были птицы, - как бы взвился, как бы полетели... Так бы и утонули в этой синеве... Но мы не птицы.
- А крылья могут у нас вырасти, - возразил я.
- Как так?
- Поживете - узнаете. Есть чувства, которые поднимают нас от земли. Не беспокойтесь, у вас будут крылья.
- А у вас были?
- Как вам сказать?.. Кажется, до сих пор я еще не летал.

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. Ася опять задумалась. Я слегка наклонился к ней.

- Умеете вы вальсировать? - спросила она вдруг.
- Умею, - отвечал я, несколько озадаченный.
- Так пойдемте, пойдемте... Я попрошу брата сыграть нам вальс... Мы вообразим, что мы летаем, что у нас выросли крылья.

Она побежала к дому. Я побежал вслед за нею, и, несколько мгновений спустя, мы кружились в тесной комнате под сладкие звуки лайнера. Ася вальсировала прекрасно, с увлечением. Что-то мягкое, женское прступило вдруг сквозь ее девически-строгий облик. Долго потом рука моя чувствовала прикосновение ее нежного стана, долго слышалось мне ее ускоренное близкое дыхание, долго мерещились мне темные, неподвижные, почти закрытые глаза на бледном, но оживленном лице, резво обвяянном кудрями.

Во всей этой сцене Ася, очевидно, находится в напряженном состоянии; она переживает новую для себя фазу развития; она в одно время и живет и думает о жизни, как это всегда бывает с людьми, одаренными светлыми умственными способностями; она поддается новым впечатлениям, ж в то же время боится их, потому что не знает, что дадут они ей в будущем; порою пересиливает страх, порою одолевает желание. Чувство растет с каждым днем; Ася объявляет г. Н., что крылья у нее выросли, да лететь некуда, а потом признается брату, что она любит этого господина. "Уверяю вас, - говорит Гагин в разговоре с Н., - мы с вами, благоразумные люди, и представить себе не можем, как она глубоко чувствует и с какой невероятной силой высказываются в ней эти чувства; это находит на нее так же неожиданно и так же неотразимо, как гроза".
Действительно, чувство Аси высказывается не одними словами и слезами; оно доводит ее до действия: забывая всякую предосторожность, отлагая в сторону всякую ложную гордость, она назначает любимому человеку свидание, и тут-то, при этом случае, высказывается в полной яркости превосходство свежей, энергической девушки над вялым продуктом великосветской, условно-этикетной жизни. Посмотрите, чем рискует Ася, и посмотрите, чего боится Н.? Идя на свидание, Ася, конечно, не знала, чем оно может кончиться; свидание это было назначено без всякой цели, по неотразимой потребности сказать любимому человеку наедине что-то такое, чего и сама Ася ясно не сознавала; свидевшись с Н. у фрау Луиз, она так безраздельно отдалась впечатлению минуты, что потеряла и желание и способность сопротивляться чему бы то ни было; она безусловно доверилась, не слыхавши от Н. ни одного слова любви; бессознательная робость молодой девушки и сознательная боязнь лишиться доброго имени - все умолкли перед настоятельными, неотразимыми требованиями чувства.

Если можно благоговеть перед чем бы то ни было, то всего разумнее и изящнее будет с благоговением остановиться перед этою силою чувства: это такой двигатель, для которого не существует непреодолимых трудностей; при всякой борьбе между людьми одолеет рано или поздно та партия, на стороне которой находится наибольшая сумма энергического чувства; человек, вносящий в жизнь пылкое желание наслаждаться, горячую, энергическую любовь к жизни, наверное достигнет желаемого счастья, если ему не свалится на голову какой-нибудь неделый камень. Только вялость и апатия вязнут в трясине, не умея осилить ни материальную нужду, ни людское недоброжелательство. *Femme l'e veut, Dieu l'e veut* {Чего хочет женщина - того хочет бог (франц.)}. - Ред.} эта поговорка живет у французов со времен рыцарства, и в ней есть значительная доля правды: чего, чего не наделает любящая женщина? Какие новые силы не пробудятся в ней под влиянием ее чувства? Если бы действительно (как утверждают противники так называемой эмансипации женщин) у женщины не было ничего, кроме способности любить, то и тогда еще неизвестно, чья природа оказалась бы крепче и богаче интеллектуальными дарами - природа мужчины или природа женщины? В разбираемой мною повести неразвитая, полудикая девушка одною силою своего чувства становится неизмеримо выше молодого человека, у которого есть и ум, и образование, и современное развитие. Она на все решилась, не остановилась даже перед тою мыслью, что может огорчить брата, единственного человека в мире, которого она любит; она пошла навстречу осуждению и позору, страданию и домашнему горю, а он, он... на чем он запнулся? Стыдно сказать, а умалчивать незачем. На том, читатели, - что его жене на визитных карточках неудобно будет написать: *t-me N., nee une telle*. {Г-жа Н., урожденная такая-то (франц.). Ред.} На том, что он сам, г. Н., затруднится отвечать на вопрос какого-нибудь великокультурного хлыща: "Как ваша супруга урожденная?" Потом он после двухдневной борьбы одолевает это

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. препятствие, но эта победа оказывается не своевременною. Кроме того, читатель, подумайте сами, если мы будем бороться с такими плюгавыми препятствиями, как с каким-нибудь действительно существующим колоссальным врагом, то, не правда ли, как мы далеко уйдем вперед, как много сделаем дельного, а главное, как много успеем насладиться жизнью? А жизнь, ей-богу, коротка, и счастливые стечения обстоятельств бывают так редки, что ими необходимо пользоваться, если не хочешь глупейшим образом прозевать жизнь. На личность г. Н. можно взглянуть еще с одной очень поучительной стороны. Он приходит на свидание с твердым намерением объявить Асе, что они должны расстаться. "Жениться на семнадцатилетней девочке (прибавьте еще, г. Н., на незаконнорожденной дочери), - говорит он сам себе, - с ее нравом (тут г. Н., очевидно, боится, чтобы у него, вследствие этого нрава, не выросли рога), как это можно?" (Да и не бойтесь, г. Н.: вам, конечно, нельзя, да вы и не женитесь. Это вам сказал уже и Гагин.) Твердое намерение г. Н. начинает колебаться, когда он видит грустную, робкую и обаятельную в этой грустной робости фигуру Аси, которая старается улыбнуться и не может, хочет сказать что-то и не находит ни слов, ни голоса. Ему становится жаль этой милой, любящей девушки; он снисходит к ней и называет ее ласковательным полуименем.

- Ася, - сказал я едва слышно.

Она медленно подняла на меня свои глаза... О, взгляд женщины, которая полюбила, - кто тебя опишет? Они молили, эти глаза, они доверялись, вопрошали, отдавались... Я не мог противиться их обаянию. Тонкий огонь пробежал по мне жгучими иглами, я нагнулся и приник к ее руке...

Послышался трепетный звук, похожий на прерывистый вздох, и я почувствовал на моих волосах прикосновение слабой, как лист дрожавшей руки. Я поднял голову и увидел ее лицо. Как оно вдруг преобразилось! Выражение страха исчезло с него, взор ушел куда-то далеко и увлекал меня за собою, губы слегка раскрылись, лоб побледнел, как мрамор, и кудри отодвинулись назад, как будто ветер их откинул. Я забыл все, я потянул ее к себе покорно повиновалась ее рука, все ее тело повлеклось вслед за рукою, шаль покатилась с плеч, и голова ее тихо легла на мою грудь, легла под мои загоревшиеся губы...

- Ваша... - прошептала она едва слышно.

Уже руки мои скользили вокруг ее стана...

"Ахти, беда! - подумает сердобольный читатель. - Погубит он, озорник, бедную девушку!" Да, действительно, всякий здоровый и крепкий человек увлекся бы до последних пределов и, конечно, в увлекающейся Асе не встретил бы ни малейшего сопротивления. Честный человек увлекся бы, и от последствий его увлечения не пострадал бы никто: он женился бы на Асе на другой день после свидания, и самое свидание осталось бы в жизни обоих супругов светлым, блестящим воспоминанием. Энергический негодяй, вроде Василия Лучинова (в повести Тургенева "Три портрета"), также не отказался бы от плодов свидания, воспользовался бы всеми наслаждениями, какие можно было бы добыть от Аси, и потом бросил бы ее, как прочитанную записку. Первый поступил бы как порядочный человек, второй - как отъявленный негодяй. Что же касается до тестообразного г. Н., то он поступил так замысловато и вследствие этого так глупо, как может поступить только существо, лишенное плоти и крови или одаренное весьма жалкою дозою крови плохого достоинства. Он сначала было растаял, а потом спохватился. У него недостало мозгу, чтобы с первой минуты окатить девушку ушатом холодной воды, а потом недостало полнокровия, чтобы, не заботясь о последствиях, дать этой девушке и самому себе несколько мгновений жгучего наслаждения. У него все перепутано: чувство врывается в процесс мысли, мысль парализирует чувство. Воспитание ослабило его тело и набило мозг его идеями, которых тот не может осилить и переварить. У него нет физического здоровья, физической силы, физической свежести; это ходячая теория, человеческая голова на курьих ножках, выжатый лимон без соку, без вкуса и без остроты. И таково большинство; и нам этот тип так привычен, что нас даже не поражают его вопиющие недостатки; многие читатели, наверное, сказали по прочтении "Аси", что Н. - очень честный человек, которому не посчастливилось в жизни. Да, честный. Никто у него и не отнимает этой честности... Ася - такая личность, в которой есть все задатки счастливой, полной жизни; развившись помимо условий нашей жизни, она не заразилась ее нелепостями. Встретясь она с свежим мужчиной, она бы показала нам, что значит быть счастливою, и дала бы нам самый спасительный

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. и плодотворный урок, которого нам до сих пор никто не умел дать. Но где же взять такого мужчину? у нас их нет. И вот свежее, молодое, здоровое существо попало в лазарет, в котором стонут на разные лады субъекты, одержимые самыми разнообразными болезнями. Ну, конечно, из этого не могло выйти ничего путного; поневоле ей пришлось заахнуть от аптечного воздуха или заразиться от дыхания окружающих субъектов. Виновата ли в этом женщина?

V

Наталья в "Рудине" похожа на Асю, или, вернее, в основу их личностей положена автором одна идея, разработанная различно в обоих романах. В Асе больше грации, в Наталье больше твердости; Ася отличается подвижностью, Наталья - сдержанностью и способностью глубоко вдумываться в предмет и долго вынашивать в голове идею или чувство. В Асе огонь вспыхивает сильно и внезапно; действие этого внутреннего огня тотчас отражается на ее физиономии, в ее поступках, во всем ее поведении; в Наталье этот огонь разгорается медленно, и действие его долгое время скрывается от нее самой и от других; а потом, когда она сама отдает себе отчет в своем настроении, она все-таки скрывает его от других и одна, без посторонних свидетелей, хозяйствует в своем внутреннем мире. Различий, как видите, очень много, а между тем сходство самое существенное: обе девушки сохранили свежесть и здоровье помимо обстановки, помимо тех людей, которые считали себя вправе распоряжаться их мыслями и чувствами. Наталье это было труднее сделать, чем Асе, и потому Наталья вышла из своей борьбы крепче и вынесла из нее больший запас сознанного опыта. Наталья - старшая дочь богатой барыни, окруженная с малолетства гувернантками, французскими грамматиками и душеспасительными наставлениями, произносимыми на разных европейских языках. Как тут не опошлиться? Действительно мудрено, но тут выручит одно обстоятельство, именно то, что матери некогда постоянно наблюдать за воспитанием, а гувернантки большую частью довольно тупы.

Воспитанию детей посвящают себя обыкновенно те лица, которые, по ограниченности ума, ни на что другое не способны, да иначе и быть не может. Во-первых, материальное положение наставника всегда зависит и всегда скучно обеспечено. Во-вторых, обречь себя на то, чтобы постоянно передавать другому то, что знаешь, значит отказаться от возможности идти дальше. Когда начинаешь учить другого, тогда уже интересы собственного развития отодвигаются на задний план. Кто хочет денег, тот не пойдет в педагоги, потому что место не хлебное. Кто хочет идей, тот не пойдет в педагоги, потому что занятия с детьми отнимают у человека время, не обогащая его внутренним содержанием. Стало быть, в педагоги идет, даже по призванию, только трудолюбивая посредственность; в гувернантки идут те девушки, которым не удалось выйти замуж. То обстоятельство, что место педагога не пользуется почетом и что вследствие этого на эти места идут люди, обиженные богом, не раз возбуждало в нашей педагогической литературе жалобные вопли; я осмелиюсь самым скромным тоном выразить сомнение в основательности этих воплей. Осмелюсь даже предложить вопрос: велика ли та услуга, которую мы оказываем детям, занимаясь их нравственным воспитанием? Воспитывать - значит приготовлять к жизни; спрашивается, может ли готовить к жизни кого бы то ни было такой человек, который сам не умеет жить? А что мы не умеем жить, в этом, кажется, не усомнится благосклонный читатель. Воспитывая наших детей, мы втискиваем молодую жизнь в те уродливые формы, которые тяготели над нами; мы поступаем таким образом с такими личностями, которые сами не могут еще ни подать голоса, ни заявить протеста, никазать сопротивления; мы без спросу мнем чужие личности и чужие силы; когда владельцы этих сил и этих личностей начинают вступать в свои человеческие права, то они находят, что в их владениях все перепутано; мысль загромождена разными кошмарами и кикиморами; чувство извращено и болезненно нацарапано или насищенно притуплено педагогическими внушениями о долге, о чести, о нравственности; молодое тело изнурено бесплодною, одностороннею мозговою работою, отсутствием правильного моциона, чистого воздуха, часто даже недостатком здоровой пищи. Физическое здоровье подорвано, а что дано взамен? Насажен в мозгу по разным грядкам, с немецкою тщательностью и возмутительной аккуратностью, бурьян и чертополох, который надо вырывать с корнем, чтобы он не истощил всю умственную почву. И вот молодой хозяин поневоле посыает ко всем чертям услужливых огородников, вскопавших и засевших ему мозг; он исподволь или вдруг, смотря по обстоятельствам, эмансириует себя от их непрошенной опеки я начинает жить по-своему и думать по-своему. Но на борьбу с сорными травами уходит много хороших сил, и часто человек оказывается освобожденным от бурьяна уже тогда, когда

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. телесное развитие достигло полной зрелости и стоит уже на поворотном пункте.

Чем раньше молодая личность становится в скептические отношения к своим наставникам, тем лучше, потому что тем меньше последние успеют напортить и тем больше времени останется на поправление или, вернее, на радикальное уничтожение их работы. Стать в скептические отношения легче к дураку, чем к умному человеку, и потому я решаюсь признать положительно полезным то обстоятельство, что нашим воспитанием занимались и занимаются большую частью недалекие люди. Развиваться под руководством наставника, мне кажется, положительно невозможно, а развиваться помимо наставника тем удобнее, чем ограниченнее наставник. Но отчего же, однако, спросит читатель, умный и широко развитый человек не может принести своему воспитаннику существенной пользы? Оттого, любезный читатель, что умный и широко развитый человек никогда не решится воспитывать ребенка; он поймет, что врываешься в интеллектуальный мир другого человека с своею инициативой – бесчестно и нелепо; он будет хорошо кормить ребенка, удалять от него вредные предметы, вроде бешеной собаки, каленого железа, сырой комнаты, угарного воздуха. На том он и остановится; если ребенок предложит ему вопрос, он ему ответит; если ребенок принесет на его суд какое-нибудь сомнение, он ему выскажет свое убеждение. Зрелый ум старшего будет иметь влияние на формирование суждений ребенка, но это влияние будет независимо от воли обоих действующих лиц; его не будут втискивать силою или всучивать педагогическою хитростью. Кто попытается сделать больше этого, тот, стало быть, не настолько умен или не настолько широко развит, чтобы быть безвредным сознательно и добровольно. Если он не может быть безвреден сознательно и добровольно, то пускай будет безвреден невольно, вследствие бессилия. Если нельзя найти человека очень умного, возьмите человека очень глупого. Результат получится почти в такой же мере удовлетворительный, а людей глупых много, особенно между педагогами. Стало быть, выдет и дешево и сердито.

Наталья, как умный ребенок, рано заявила свою умственную жизнь каким-нибудь озадачивающим вопросом, метким замечанием, вспышкою своееволия; это заявление, благодаря тупости воспитательницы, встретило себе холодный или даже недоброжелательный прием. На вопрос отвечали вскользь; на меткое замечание воспоследовало со стороны гувернантки не менее меткое замечание: "Маленькие девочки не должны так говорить". Маленькая девочка спросила: почему? Ей приказали молчать. Вспышку своееволия назвали капризом и подавили силою. Словом, так или иначе, воспитывающая сторона уронила себя в глазах воспитывающейся стороны, а это, как известно всем, занимавшимся когда-нибудь воспитанием, вовсе не трудно сделать, когда имеешь дело с умным ребенком. Маленькая девочка широко раскрыла свои умные глаза, с удивлением посмотрела на старших недоумевающим взором и подумала про себя: какие они странные! А через несколько времени она подумала: а, так вот они какие! Вот и вошел в воспитание новый элемент, которого существование не подозревают воспитатели и который между тем постоянно путает алгебраические выкладки педагогических соображений. Приказания их исполняются, но "формировать ум и сердце" ребенка им не удается; приказания их не прохватывают вглубь; маленькая девочка, как улитка, ушла в себя и начинает строить себе свой мирок, в который она ни за какие коврижки не пустит ни мамашу, ни гувернантку; кровленность откладывается в сторону, и чем умнее ребенок, тем безуспешнее оказываются попытки старших разбить раковину улитки и подсмотреть нескромным взором тайну внутреннего развития.

Дети, начинаяющие развиваться помимо руководства наставников, выбирают обыкновенно один из двух путей: или они вступают в ожесточенную, отчаянную борьбу о посягательствами взрослых, или они, отказываясь от всякой борьбы, повинуются чисто внешним образом и уже постоянно держатся настороже, постоянно относятся к распоряжениям педагогов критически в скептически. Первые – будущие Дон-Кихоты жизни, всегда готовые ломать копье за свои идеи, всегда действующие открыто в смело и часто погибающие за доброе дело. Другие – те люди, о которых говорит наш народ: "в тихом омуте черти водятся". Невозмутимо спокойные по наружности, глубоко страстные в душе, непоколебимые и неподкупные, эти люди действуют медленно, бьют наверняка и редко промахиваются. Наталья принадлежала ко второй категории, а между тем промахнулась. Она полюбила Рудина и ошиблась в нем; но кто же бы и не ошибся в Рудине? Кого бы не подкупили его речи, если даже они подкупили Лежнева, мужчину, одаренного значительной дозой скептицизма и здравого смысла? Причины ошибки Натальи лежат не в ней самой, а в окружавших ее обстоятельствах. Рудин был лучшим из окружавших ее мужчин, она его и

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff выбрала; что же делать, если и лучший оказался никуда не годным? И Лежнев и Волынцев крепче Рудина, - в этом спору нет; но ни Волынцев, ни Лежнев не могли шевельнуть молодую девушку, находящуюся в той поре жизни, когда ум требует яркости идей и когда весь организм просит сильных ощущений. Роман Натальи очень похож на роман Аси: и та и другая искала в любимом человеке жизни и силы; и та и другая наткнулась на вялое резонерство и на позорную робость. И опять приходится закончить главу вопросом: в чем тут виновата женщина?

VI

Но не всем же девушкам удается развиться помимо обстановки; многие, и очень многие, даже большинство, пропитываются насквозь атмосферою нашей жизни, в детстве принимают в себя зародыши разложения, живыми тенями проходят свое земное странствие и, как неизлечимые больные, рано начинают увядать и клониться к могиле.

К этому чрезвычайно многочисленному типу, допускающему внутри себя почти бесконечное разнообразие, принадлежат два замечательные женские характера: Вера (из "Фауста") и Лиза (из "Дворянского гнезда").

Первая искусственно заморожена воспитанием; вторая заражена с детства миазмами нашей домашней атмосферы. Разберу отдельно ту и другую личность.

Вера воспитывается под руководством своей матери, женщины очень умной, очень энергичной, испытавшей много несчастий и сосредоточившей всю силу своей любви на единственной дочери. Сказать по правде, трудно найти более невыгодные условия развития. Любящая мать, да еще к тому же энергичная, да еще к тому же умная, да еще к тому же испытавшая несчастья, наверное будет следить за каждым движением дочери, будет прокрадываться в ее мысли, будет решать за нее все представляющиеся вопросы жизни, будет оберегать ее от впечатлений так же заботливо, как от сквозного ветра. Вместо того чтобы жить в жизни, дочь будет обретаться в какой-то восковой ячейке, сстроенной вокруг нее любящей рукой матери. Любить человека и не мешать ему в жизни, не отправлять его существования непрошенными заботами и навязчивым участием это такой фокус, который немногим по силам. Родителям он совершенно не доступен. Они хотят во что бы то ни стало, чтобы их опытность шла на пользу детям; того они не понимают и не хотят понять, что самый процесс приобретения опытности чрезвычайно приятен и что этот процесс никак не может быть заменен чужим рассказом или описанием; когда вы голодны, вам надо есть, а не читать описания лакомых блюд и даже не смотреть на эти блюда; когда вы любите женщину, чтение самых разнообразных романов и рассказы о самых замысловатых любовных похождениях вашего папеньки не заменят вам двух минут разговора, созерцания, непосредственной близости; когда вы молоды, когда вы вступаете в жизнь, вам надо жить, а никак не слушать рассказы о том, как жили ваши родители.

Мать Веры вообразила себе, что она пожила за себя и за свою дочь, и решилась, во что бы то ни стало, избавить Веру от ошибок и страданий, выпавших на долю ее матери. Для этого нужно было обработать по-своему мягкий материал, попавшийся в руки, и г-жа Ельцова принялась за работу довольно ловко; она успела приготовить из дочери своей такую консервку, которая могла бы десятки лет плавать по морю житейскому, постоянно сохраняя под свинцовую крышкою свою нетронутую, детскую невинность; борьба между умною, опытною женщиной, с одной стороны, и непробудившимися силами бедного ребенка, с другой стороны, была слишком неравна; мать победила без труда, и живые силы почти без сопротивления отправились под свинцовую крышку; и свинцовая крышка эта придавила их так рано, что они замерли, не заявив протеста; девочка даже не заметила существования этой крышки и выросла, считая свое положение нормальным или, вернее, не думая подвергать его анализу.

Во-первых, г-жа Ельцова приобрела полное доверие своей дочери и внушила ей страстную, доходящую до благоговения любовь к своей особе. Есть личности, которым очень приятна подобная любовь, исключающая критику. Мне кажется, существование такого чувства унижает человеческое достоинство того, кто его испытывает, и того, к кому оно обращено. Обожающее лицо теряет всякую самостоятельность, обожаемое - ставится в обидное положение китайского идола.

Вероятно, в опытность матери, в ее ум и непогрешимость, Вера Ельцова поневоле

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. должна была безусловно подчиниться ее воззрениям; но убеждения отжившей старухи не могут быть убеждениями молодой девушки; они могут сделаться для нее только догматами веры; она может повторять их про себя, как магическое заклинание, не понимая их истинного смысла, потому что этот смысл дается только тому, кто пожил и кого помяла жизнь; принять на веру убеждения матери значило отказаться от знакомства с жизнью; при всей любви своей к матери молодая девушка могла бы не решиться на подобную жертву, если бы кто-нибудь представил ей эту жертву в настоящем свете; но такого Мефистофеля не нашлось, а старый ангел-хранитель, г-жа Ельцова употребила с своей стороны все усилия, чтобы отвести дочери глаза и показать ей только те уголки жизни, которые, по ее мнению, не могли произвести вредного влияния, т. е. не могли нарушить умственной и нервной дремоты девушки. Все, что могло сильно потрясти нервы, подействовать на воображение и сообщить сильный толчок критическому уму, было тщательно устраниено; ни посторонний человек, ни посторонняя книга не могли пробиться сквозь ту китайскую стену, которой г-жа Ельцова отделила свою Верочку от всего живого мира; если бы Вере случилось поговорить с кем-нибудь, то этот разговор она же сама от слова до слова передала бы матери; если бы Вере попалась книга, она не стала бы ее читать, не спросив позволения матери; когда узник полюбил свою тюрьму, тогда нет средств освободить его; ведь не насилино же тащить его на свет божий! Вере до ее замужества не давали в руки ни одного романа; зато научное ее образование было так полно, что она удивляла кандидата своими обширными сведениями; сведения эти были, конечно, чисто фактические; Вера знала, в котором году произошло, положим, Нердлингенское сражение, к какому роду и виду принадлежит божья коровка, сколько пестиков и тычинок в георгине, но значения Реформации она не понимала и общего взгляда на жизнь природы не имела.

Наверное, г-жа Ельцова боялась Вольтера и Фейербаха так же сильно и так же основательно, как Жорж-Занда или Бальзака. Верочек позволялось украшать свою память всякими антиками и диковинками, но работать мыслью или воспринимать какие-нибудь необыденные ощущения нервами было строго запрещено.

Строгий выбор книг был только административным средством в руках г-жи Ельцовой; цель, к достижению которой она стремилась, опираясь на подобные средства, лежала очень далеко; надо было устроить по известной программе всю жизнь молодой девушки, надо было искусно обежать опасный период любви; надо было выдать ее замуж за хорошего человека, укрепить ее в понятии долга и, наконец, поставить ее на якорь в такой пристани, в которую не заходят и не заглядывают житейские бури, смелые мысли, беспорядочные, кометообразные чувства. Чтобы дойти до такой пристани, надо было лавировать, и г-жа Ельцова лавировала не без успеха.

Молодой человек, заинтересованный Верою, с похвальною скромностью просит у г-жи Ельцовой позволения сделать ей предложение; заботливая маменька, видя, что этот молодой человек, несмотря на всю свою скромность, не похож на желанную пристань, отказывает ему прямо, не спросивши мнения дочери; она даже не считает нужным сказать ей потом, что за нее сватался такой-то. Одного этого факта достаточно, чтобы составить себе понятие о том, насколько г-жа Ельцова употребляла во зло доверенность своей дочери и как грубо она нарушала ее святые, человеческие права. Наконец желанная пристань находится; добродушный, простоватый господин, бывший в университете, не вынесший оттуда завиральных идей и превратившийся в помещика, несмотря на свои молодые лета, оказывается достойным субъектом; эврика! - говорит г-жа Ельцова, - и выдает за него свою дочь, которая, конечно, ставит себе за счастье исполнить волю божию и родительскую. Ельцова умирает, вполне спокойная. "Пристроила, - думает она, - теперь и без меня проживет; в сторону-то сбиться некуда".

Мы видели таким образом, как формировалась Вера Ельцова; посмотрим теперь, как она, несмотря на предосторожности маменьки, столкнулась с жизнью мысли и чувства. Вот уже она лет девять замужем, ей уже двадцать восемь лет, а она смотрит семнадцатилетнею девушкою. "То же спокойствие, та же ясность, голос тот же, ни одной морщинки на лбу, точно она все эти годы пролежала где-нибудь в снегу". И попрежнему незнакома с волнениями мысли и чувства, попрежнему не тронута жизнью, попрежнему не прочла ни одного романа, ни одного стихотворения.

Страшно становится за эту женщину! - Если сна проживет свои век и умрет, не любивши, не мысливши, не испытавши ни одного эстетического наслаждения, то,

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff спрашивается, для чего же было жить? А если она вдруг проснеться от какого-нибудь сильного потрясения, - что с нею будет? Вынесут ли ее нервы ту массу ощущений, которые нахлынут со всех сторон и поразят ее сильнее, чем кого-либо другого? Дети впечатлительнее взрослых; ребенок плачет о сломанной игрушке, о том, что мать едет куда-нибудь дня на два, так же горько, как взрослый заплачет о смерти дорогого человека; ребенок утешается также гораздо скорее, и это служит новым доказательством того, что он впечатлительнее взрослого. Мир детских радостей и детских горестей гораздо мельче и уже, чем мир горя и радости у взрослого; если бы у ребенка было столько же серьезных интересов, сколько их у взрослого, и если бы ребенок на все эти интересы откликался с тою же живостью, с какою он радуется подарку или горюет о минутное разлуке, то наверное организм его не вынес бы этого избытка сильных ощущений. Входя в мир мысли и чувства постепенно, незаметно, втягиваясь понемногу в серьезные занятия и в интересы действительной жизни, ребенок мало-помалу теряет свою прежнюю раздражительность и восприимчивость. Нервы притупляются от часто повторяющегося раздражения; является привычка; человек черствеет и вследствие этого крепнет. Крайняя раздражительность несовместна с мужественною твердостью, чтобы вынести передряги жизни, необходимо утратить невинность, свежесть, девственность чувства и тому подобные свойства, которыми особенно дорожат в своих воспитанниках добродетельные педагоги.

Недобрую штуку сотворила Ельцова с своею дочерью; сохранивши первобытную чуткость и отзывчивость ребенка, Вера смотрит на вещи как женщина; она понимает умом многое, чего не переживала чувством; силы в ней дремлют, но они созрели; стоит дать толчок, и вся эта личность преобразится; в ней мгновенно разыгрывается такая драма, которая удивит всех знающих ее людей порывистостью и силой борьбы. Положение ее страшно усложнено заботливыми распоряжениями матери: она никогда не любила, - а между тем она замужем; она рискует полюбить тою свежею и сильною любовью, какая доступна и понятна только очень молодым существам, а между тем у нее есть семейство, есть так называемые обязанности, и в ней сильно развито чувство долга. Что-то будет?

Чего можно было ожидать, то и происходит на самом деле. Мужчина открывает Веру Николаевне доступ в тот мир сильных ощущений, который оставался ей неизвестным в продолжение целого десятка лет; мужчина пробуждает ее из того летаргического сна, в который погрузило ее воспитание; мужчина превращает мраморную статую в женщину, и эта женщина привязывается к своему просветителю всеми силами богатой любящей женской души. Проспать с лишком десять лет, лучшие годы жизни, и потом проснуться, найти в себе так много свежести и энергии, сразу вступить в свои полные человеческие права это, воля ваша, свидетельствует о присутствии таких сил, которые, при сколько-нибудь естественном развитии, могли бы доставить огромное количество наслаждения как самой Вере Николаевне, так и близким к ней людям. Вера Николаевна полюбила так сильно, что забыла и мать, и мужа, и обязанности; образ любимого человека и наполняющее ее чувство сделались для нее жизнью, и она рванулась к этой жизни, не оглядываясь на прошедшее, не жалея того, что остается позади, и не боясь ни мужа, ни умершей матери, ни упреков совести; она рванулась вперед и надорвалась в этом судорожном движении; глаза, привыкшие к густой темноте, не выдержали яркого света; прошедшее, от которого она кинулась прочь, настигло и придавило ее к земле. Она первая, прямо, без вызова со стороны мужчины, объявляет ему, что она его любит; она сама назначает свидание и идет твердым шагом к назначенному месту.

После чаю, когда я уже начинал думать о том, как бы незаметно выскользнуть из дома, она сама вдруг объявила, что хочет идти гулять, и предложила мне проводить ее. Я встал, взял шляпу и побрел за ней. Я не смел заговорить, я едва дышал, я ждал ее первого слова, ждал объяснений; но она молчала. Молча дошли мы до китайского домика, молча вошли в него, и тут - я до сих пор не знаю, не могу понять, как это сделалось, - мы внезапно очутились в объятиях друг друга. Какая-то невидимая сила бросила меня к ней, ее - ко мне.

При потухшем свете дня ее лицо, с закинутыми назад кудрями, мгновенно озарилось улыбкою самозабвения и неги, и наши губы слились в поцелуй...

Этот поцелуй был первым и последним.

Вера вдруг вырвалась из рук моих и, с выражением ужаса в расширенных глазах, отшатнулась назад...

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.

- Оглянитесь, - сказала она мне дрожащим голосом: - вы ничего не видите?

я быстро обернулся.

- Ничего. А вы разве что-нибудь видите?

- Теперь не вижу, а видела. Она глубоко и редко дышала.

- Кого? что?

- Мою мать, - медленно проговорила она и затрепетала вся. Я тоже вздрогнул, словно холодом меня обдало. Мне вдруг стало жутко, как преступнику. Да разве я не был преступником в это мгновение?

- Полноте, - начал я: - что вы это? Скажите мне лучше...

- Нет, ради бога, нет! - перебила она и схватила себя за голову. - Это сумасшествие... Я с ума схожу... Этим шутить нельзя - это смерть... Прощайте...

Я протянул к ней руки.

- Остановитесь, ради бога, на мгновенье! - воскликнул я с невольным порывом. Я не знал, что говорил, и едва держался на ногах. - Ради бога, ведь это жестоко.

Она взглянула на меня.

- Завтра, завтра вечером, - поспешил проговорила она: - не сегодня, прошу вас... уезжайте сегодня... завтра вечером приходите к калитке сада. возле озера. Я там буду, я приду... я клянусь тебе, что приду, - прибавила она с увлечением, и глаза ее блеснули... - Кто бы ни останавливал меня, клянусь! Я все скажу тебе, только пустите меня сегодня. И прежде чем я мог промолвить слово, она исчезла.

А потом умерла. Организм не выдержал потрясения, и обаятельная сцена любви разрешилась смертельною нервною горячкою. Образы, в которых Тургенев выразил свою идею, стоят на границе фантастического мира. Он взял исключительную личность, поставил ее в зависимость от другой исключительной личности, создал для нее исключительное положение и вывел крайние последствия из этих исключительных данных. Старуха Ельцова и дочь ее - такие чистые представители двух типов, каких в действительности не бывает. Какая мать сумеет провести так последовательно свои идеи в воспитание дочери и какая дочь захочет с такою слепою покорностью подчиняться этим идеям? Размеры, взятые автором, превышают обыкновенные размеры, но идея, выраженная в повести, остается верною, прекрасною идеею. Как яркая формула этой идеи, "фауст" Тургенева неподражаемо хорош. Ни одно единичное явление не достигает в действительной жизни той определенности контуров и той резкости красок, которые поражают читателя в фигурах Ельцовой и Веры Николаевны, но зато эти две почти фантастические фигуры бросают яркую полосу света на явления жизни, расплывающиеся в неопределенных, сероватых, туманных пятнах.

VII

Следует ли подвергать отдельному разбору личность Лизаветы Михайловны Калитиной, героини романа "Дворянское гнездо"? Этот роман написан так недавно, по поводу его выхода в свет появилось в нашей периодической литературе столько критических статей, что читателям, вероятно, приелись толки о Лизе и о Лаврецком, толки, в которых все-таки не договаривалось последнее слово. Я знаю, что мне тоже не придется договориться до последнего слова, и потому предпочитаю вовсе не говорить. Если же, паче чаяния, кто-нибудь из читателей пожелает знать мое мнение о Лизе, то я попрошу этого читателя внимательно просмотреть предыдущую главу моей критической статьи и потом перечитать "Дворянское гнездо". Зная, как я смотрю на Вера, читатель узнает также, как я смотрю на Лизу. Лиза ближе Веры стоит к условиям нашей жизни; она вполне правдоподобна; размеры ее личности совершенно обычные; идеи и формы, сдавливающие ее жизнь, знакомы как нельзя лучше каждому из наших читателей по собственному горькому опыту. Словом, задача, решенная Тургеневым в абстракте в повести

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. "фауст", решается им в "дворянском гнезде" в приложении к нашей жизни. Результат выходит один и тот же; гниль одолевает, праведная смерть торжествует? над греховною жизнью.

О Зинаиде Засекиной (из повести "Первая любовь") не скажу ни слова. Я ее характера не понимаю.

VIII

Совершенно уйти от влияния обстановки невозможно; так или иначе, обстановка дает себя знать; если вы живете с дурными людьми, то эти люди могут действовать на вас двояким образом, смотря по тому, насколько стойки ваши убеждения и тверда ваша воля. Вы можете или заразиться от этих людей их преобладающим пороком, или довести в самом себе до уродливой крайности протест против этого порока. Большею частью случается так, что отдельная личность понемногу окрашивается под общий цвет массы; личности, одаренные значительными силами, обыкновенно немногочисленны; и эти немногие избранные личности окрашиваются обыкновенно в противоположный цвет и, нечувствительно для самих себя, доводят этот цвет до резкой крайности именно потому, что масса постоянно пытается заштукатурить их под одну тень с собою. Если вы жизнью и словами с особым воодушевлением протестуете против господствующего в обществе порока, то вы протестуете так горячо именно потому, что порок стоит перед вашими глазами; причина протеста лежит не в вашей природе, а в том, что вас окружает; для вас самих протест – дело бесплодное и утомительное: ваш крик сущит вам легкие и производит охрипость в голосе; а между тем нельзя не кричать; вы кричите и этим самым платите дань тем идеям, которые уродуют жизнь ваших соотечественников. Если вы отмахиваетесь от комаров и не даете им укусить себя, то все-таки комары действуют на вас тем, что заставляют вас делать утомительные движения. Подлость и глупость раздражают ваши нервы, следовательно, производят в вас перемену, и можно сказать наверное, что, в каком бы направлении ни совершилась эта перемена, она никогда не может быть переменою к лучшему. Вот это-то последнее обстоятельство Тургенев упустил из виду, создавая характер Елены, и от этой ошибки произошла, мне кажется, вся нескладица, поражающая читателя в построении романа "Накануне".

Елена раздражена мелкостью тех людей и интересов, с которыми ей приходится иметь дело каждый день. Она умнее своей матери, умнее и честнее отца, умнее и глубже всех гувернанток, занимавшихся ее воспитанием; она раздражена и не удовлетворена тем, что дает ей жизнь; она с сознанным негодованием отвертывается от действительности, но она слишком молода и женственна, чтобы стать к этой действительности в трезвые отрицательные отношения. Ее недовольство действительностью выражается в том, что она ищет лучшего и, не находя этого лучшего, уходит в мир фантазии, начинает жить воображением. Это болезненное состояние. Когда воображение забегает вперед, когда начинается сооружение идеала и потом бегание за ним, тогда живые силы уходят на бесплодные поиски и попытки, и жизнь проходит в каком-то тревожном, беспредметном, смутном ожидании. Елена все мечтает о чем-то, все хочет что-то сделать, все ищет какого-то героя; мечты ее не приходят и не могут прийти в ясность именно потому, что это мечты, а не мысли; она не критикует нашей жизни, не всматривается в ее недостатки, а просто отворачивается от нее и хочет выдумать себе жизнь. Так нельзя, Елена Николаевна! Что жизнь в дурных своих проявлениях вам не нравится, это делает вам величайшую честь, это показывает, что вы умеете мыслить и чувствовать; но жить и действовать вы решительно не умеете. Если не нравится жизнь, надо или исправить ее, или умереть, или уехать. Чтобы исправить жизнь, для себя лично, надо взглянуться в ее недостатки и отдать себе самый ясный отчет в том, что именно особенно не нравится; чтобы умереть, надо обратиться к оружию или к яду; чтобы уехать куда бы то ни было, надо взять паспорт и запастись деньгами. Но не мечтать, ни в каком случае не мечтать! Это совсем не практично; это растревляет раны, вместо того чтобы залечивать их; это губит силы, вместо того чтобы обновлять и укреплять человека. Мечты принадлежность и утешение слабого, больного, задавленного существа, а вам, Елена Николаевна, нечего бога гневить, можно и другим делом заняться. Вы пользуетесь некоторою независимостью в доме ваших родителей, вас не бьют, не гнут в дугу, не выдают насилию замуж; этих условий слишком мало для того, чтобы наслаждаться, но их слишком достаточно для того, чтобы действовать и бороться; мечтать было позволительно в былые годы вашей крепостной горничной, точно так же как ей позволительно было пить запоем, но теперь и ей это будет не к лицу. Я не осуждаю Елену в том, что она мечтает; я бы не осудил человека, схватившего

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. сильнейший простудный кашель, я бы сказал только, что он болен; точно так же я говорю и доказываю самой Елене, что она больна и что она ошибается, если считает себя здоровью. В этом отношении ошибается вместе с нею сам Тургенев; он глазами психически больной Елены смотрит на действующие лица своего романа; оттого он вместе с Еленой ищет героев; оттого он вместе с нею бракует Шубина и Берсенева; оттого он выписывает из Болгарии невозможного и ни на что не нужного Инсарова. Елена и вместе с нею Тургенев не удовлетворяются обыкновенными, человеческими размерами личностей; все это мелко, все это обыкновенно, все это пошло; давай им эффекта, колоссальности, героизма. "Жить скверно", говорят Тургенев и Елена. - Согласен. "Жить скверно потому, что люди скверны". - Не согласен! Отношения между людьми ненормальны - это так, а люди ни в чем не виноваты, потому что переделать отношения, затвердевшие от десятилевековой исторической жизни, и переделать их тогда, когда еще очень немногие начали сознавать их неудобства, - это, воля ваша, мудрено. Если несется шестерня бешеных лошадей, то я никак не решусь называть мелкими трусами всех тех людей, которые будут уклоняться в сторону и давать им дорогу. Инстинкт самосохранения и трусость - две вещи разные. Ставить самоотвержение в число необходимых добродетелей, обязательных для всякого человека, может только мечтательная девушка, Елена Николаевна Стакова, да замечтавшийся до забвения действительности художник, Иван Сергеевич Тургенев.

Бракуя людей за то, что они не герои, раскидывая направо и налево окружающую его мелюзгу, Тургенев доходит, наконец, до создания идеального человека. Человек этот - болгарин, на каком основании? Неизвестно. Принимать Инсарова за живое лицо я не могу; потому прослеживать его развитие и воссоздавать его личность критическим анализом я не берусь; выпишу только с буквальною верностью ряд фактов, совершенных этим героям, и ряд свойств, приписанных ему Тургеневым.

- 1) Инсаров - болгар; мать его убита турецким агою; отец расстрелян без суда.
- 2) В 48-м году Инсаров был в Болгарии, исходил ее вдоль и поперек, провел в ней два года и в 50-м году вернулся в Россию с широким рубцом на шее и с желанием образоваться в Московском университете и сблизиться с русскими.
- 3) Вот портрет Инсарова: "Это был молодой человек лет двадцати пяти, худощавый и жилистый, с впалою грудью, с узловатыми руками; черты лица имел он резкие, нос с горбиной, иссиня-черные прямые волосы, небольшой лоб, небольшие, пристально глядевшие, углубленные глаза, густые брови; когда он улыбался, прекрасные белые зубы показывались на миг из-под тонких, жестких, слишком отчетливо очерченных губ. Одет он был в старенький, но опрятный сюртучок, застегнутый доверху".
- 4) Когда Берсенев предлагает Инсарову переехать к нему на дачу, Инсаров соглашается только с тем условием, чтобы заплатить Берсеневу по расчету 20 руб. сер.
- 5) По уходе Берсенева Инсаров бережно снимает сюртук.
- 6) Берсенев говорит об Инсарове, что он ни от кого не возьмет денег" взаймы.
- 7) Инсаров отказывается обедать с Берсеневым, говоря ему с спокойной улыбкой: "Мои средства не позволяют мне обедать так, как вы обедаете!"
- 8) Инсаров никогда не меняет никакого своего решения и никогда не откладывает исполнения данного обещания.
- 9) Инсаров учится русской истории, праву и политической экономии, переводит болгарские песни и летописи, собирает материалы о восточном вопросе, составляет русскую грамматику для болгар, болгарскую - для русских.
- 10) Инсаров не любит распространяться о собственной своей поездке на родину, но о Болгарии вообще говорит охотно со всяkim.
- 11) Инсаров надевает на голову ушастый картуз и на прогулке выступает не спеша, глядит, дышит, говорит и улыбается спокойно.
- 12) Инсаров уходит куда-то на три дня с двумя болгарами, которые

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff предварительно съедают у него целый огромный горшок каши.

13) В разговоре с Еленой Инсаров откровенно рассказывает историю своей отлучки, говорит, что он ездил за шестьдесят верст, чтобы помирить двух земляков, что его все знают и что все ему верят. Елена спрашивает у него: "Вы очень любите свою родину?" Он на это отвечает: "Это еще неизвестно. Вот, когда кто-нибудь из нас умрет за нее, тогда можно будет сказать, что он ее любил". Потом он говорит так: "Но вы сейчас спрашивали меня, люблю ли я свою родину? Что же другое можно любить на земле? Что одно неизменно, что выше всех сомнений, чему нельзя не верить, после бога?" Эта, не лишенная риторики, речь заканчивается удивительной антитезой: "Заметьте, последний мужик, последний нищий в Болгарии и я, мы желаем одного и того же". Антитеза, ей-богу, очень хороша. А Елена-то слушает и только уши развешивает.

14) Инсаров бросает в воду пьяного немца, обеспокоившего дам на гуляний.

15) Инсаров замечает, что он полюбил Елену, и хочет уехать. Он говорит: "Я - болгар, мне русской любви не нужно".

16) Инсаров, накануне своего отъезда, на просьбу Елены прийти к ним на другой день утром - ничего не отвечает и не приходит. "Я вас ждала с утра", говорит Елена, встретившись с ним у часовни. Он отвечает на это: "Я вчера, вспомните, Елена Николаевна, ничего не обещал".

17) В объяснении с Инсаровым Елена постоянно является активным лицом и постоянно тащит его за собою; она первая говорит ему о любви.

18) По возвращении с дачи в Москву Инсаров опасно занемогает и две недели находится при смерти.

19) Елена приходит к Инсарову после его выздоровления; Инсаров в ее присутствии чувствует волнение и просит ее уйти, говоря, что он ни за что не отвечает; Елена не уходит и отдается ему.

20) Тайно обвенчавшись с Еленой, Инсаров уезжает вместе с нею в Венецию, чтобы оттуда пробраться в Болгарию.

21) Инсаров в Венеции умирает от аневризма, соединенного с расстройством легких.

Ради бога, господа читатели, из этого длинного списка деяний и свойств составьте себе какой-нибудь целостный образ; я этого не умею и не могу сделать. Фигура Инсарова не восстает передо мною; но зато с ужасающей отчетливостью восстает передо мною тот процесс механического построения, которому Инсаров обязан своим происхождением. Тургенев не мог остановиться на чисто отрицательных отношениях к жизни; ему до смерти надоели пигмеи, а между тем от этого жизнь не изменилась, и пигмеи не выросли ни на вершок. Ему захотелось колоссальности, героизма, и он задумался над тем, какие свойства надо придать герою; образ не напрашивался в его творческое сознание, надо было с невероятными усилиями составлять этот образ из разных кусочков; во-первых, надо было поставить героя в необыкновенное положение; положение придумано: Инсаров - болгар, и родители его погибли лютою смертью. Потом надо было устроить так, чтобы каждое слово и движение героя было проникнуто особенною многозначительностью, не сознаваемою самим героем; Тургенев достиг этого, заставив Инсарова разлагольствовать о любви к родине почти так же, как разлагольствует чиновник Соллогуба, с тою только разницей, что последний не делает блестящей антitezы (последний мужик - и я). Чтобы оттенить то воодушевление, которое овладевает Инсаровым, когда он говорит о родине, Тургенев заставляет его в остальное время быть очень спокойным; Тургенев напирает даже на то, что в Инсарове не видно ничего необыкновенного, что в нем все очень просто, начиная от ушастого картуза и кончая спокойною походкою. Чтобы показать благородную гордость героя, Тургенев упоминает о том, что Инсаров ни от кого не взял бы денег взаймы и даже от Берсенева не принимает даром комнаты, когда тот приглашает его к себе на дачу. Не знаю как другим, а мне эта гордость по поводу десяти или двадцати рублей кажется мелочностью. Не принимать должности от мало знакомого человека или от такого, которому тяжело быть обязанным, - это понятно, но с мелочною тщательностью отгораживать свои интересы от интересов товарища-студента или друга - это, воля ваша, бесплодный труд. Мое ли перейдет к нему, его ли ко мне, черт ли в этом? Я

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. знаю, что сам с удовольствием сделаю ему одолжение, и потому с полной доверчивостью принимаю от него такое же одолжение. Чтобы показать, как земляки-болгары верят Инсарову, Тургенев рассказывает о поездке последнего за шестьдесят верст; чтобы дать образчик той колоссальной энергии, на которую способен герой, Тургенев изобрел бросание пьяного немца, и притом великана, в воду. Чтобы дать понятие о любви Инсарова к родине, Тургенев заставляет его бороться с любовью к Елене; Инсаров готов на пользу Болгарии пожертвовать любимою женщиной, - и это невольно переносит читателя в лучшие дни римской республики. Но вот что любопытно. Инсаров - герой, сильный человек; отчего же он постоянно предоставляет Елене инициативу? Отчего Елена тащит его за собою и постоянно сама делает первый шаг к сближению? Отчего Инсаров постоянно принимает от нее разные доказательства любви не иначе, как после некоторого упрашивания с ее стороны? Что это за церемонии и уместны ли они между не-пигмеями? Инсаров видит, что девушка вышла к нему навстречу и с тоскою спрашивает у него: "Отчего же вы не пришли сегодня утром?" В этом вопросе сказывается любовь, недоумение, страдание, а Инсаров отвечает на это: "Я вам не обещал" и старается только отстоять ненарушимость своего слова. Точно будто хозяин торгового дома отвечает кредитору: "Срок вашему векселю не сегодня!" Освободит ли Инсаров Болгию - не знаю, но Инсаров, каким он является в отдельных сценах романа "Накануне", не представляет в себе ничего целостно-человеческого и решительно ничего симпатичного. Что его полюбила болезненно-восторженная девушка, Елена, - в этом нет ничего удивительного: ведь и Титания гладила с любовью длинные уши ослиной головы; {22} но что истинный художник, Тургенев, соорудил ходульную фигуру, стоящую ниже Штольца, - это очень грустно; это показывает радикальное изменение во всем миросозерцании, это начало увядания. Кто в России сходил с дороги чистого отрицания, тот падал. Чтобы осветить ту дорогу, по которой идет Тургенев, стоит назвать одно великое имя - Гоголя. Гоголь тоже затосковал по положительным деятелям, да и свернул на "Переписку с друзьями". Что-то будет с Тургеневым? Кроме фальшивого понимания и уродливого построения, в романе "Накануне" есть еще недоговоренность, умышленная недоконченность в выражении главной идеи. Нет ответа на естественный вопрос: нашла ли Елена своего героя в Инсарове? Вопрос этот очень важен, потому что ведет к решению общего психологического вопроса: что такое мечтательность и искание героя? Болезнь ли это, порожденная пустотою и пошлостью жизни, или это - естественное свойство личности, выходящей из обыкновенных размеров? Есть ли это проявление силы или проявление слабости? чтобы ответить на этот вопрос, надо было создать для Елены самые благоприятные обстоятельства, и тогда в картинах и образах показать нам, счастлива ли она или нет? А тут что такое? Инсаров скоропостижно умирает; да разве это решение вопроса? К чему эта смерть, обрывающая роман на самом интересном месте, замазывающая черною краскою неоконченную картину и избавляющая художника от труда отвечать на поставленный вопрос? Но, может быть, Тургенев и не задавал себе этого вопроса? Может быть, для него центром романа была не Елена, а был Инсаров? Тогда остается только пожалеть, что в плохом дидактическом романе, похожем на "Обломова" по идее, встречается так много таких великолепных частностей, как, например, личности Елены, Шубина, Берсенева, дневник Елены, сцена ожидания, сцена любви и, наконец, неподражаемый Увар Иванович.

IX

У Писемского я не буду брать отдельных женских характеров; постараюсь только показать общие отношения его к женщине; отношения эти в высшей степени гуманны; всепрощение доведено в них до последних пределов. "Женщина, - говорит нам Писемский своими произведениями, - никогда ни в чем не виновата. Ее бьют, ее угнетают, ее обижают делом и словом, ее потребности остаются неудовлетворенными и непонятыми; она страдает и своими страданиями мучит мужчину; мужчина на нее сердится и не понимает того, что он сам причина ее страданий и своих мучений". Переберите все романы Писемского, и вы убедитесь в верности моих слов. Писемский не идеализирует женщин; у него есть дрянные женщины, есть и хорошие; но и самая дрянная женщина освобождается от всякого укора. Посмотрите на Юлию Владимировну в "Тюфяке", на Марию Антоновну в "Браке по страсти", на Катерину Александровну в "Богатом женихе". Некрасивы эти три барыни, куда некрасивы, но вы чувствуете и видите, что им не было никакого выхода из пошлости и грязи. Они увязли и перемарались, потому что не было никакой возможности пробраться в жизни сухими тропинками. И во всех трех случаях мужчина постоянно является ближайшею, непосредственную причиной унижения женщины. На Юлии женится почти насильно тюфяк-Бешметев; очень понятно, что Юлия пускается во все тяжкие; на Марии Антоновне женится по расчету хлыщ

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff. Хозаров; она выходит за него замуж по чистосердечной страсти; он оставляет ее в забросе и начинает ухаживать за другою женщиной; она от скуки начинает целоваться с офицером Пириневским. На Катерине Александровне женится фразер Шамилов, также по расчету; потом этот господин начинает показывать себя несчастным, не имея на то законного повода; Катерина Александровна чувствует себя оскорблена и с своей стороны очень жестоко показывает своему неделикатному супругу его зависимое положение. - Вы видите таким образом, что эти три женщины находят себе оправдание в поведении своих мужей и в том воспитании, которое им было дано в родительском доме.

Когда Писемский симпатизирует выводимой женской личности, тогда все построение и изложение повести или романа согревается таким искренним и глубоким чувством, какое на первый взгляд трудно даже предположить в этом беспощадном реалисте. Это чувство выражается не в лирических отступлениях, не в идеализации любимого женского типа; оно, помимо воли и сознания самого автора, просвечивает в постановке фигур, в группировке событий; оно не нарушает правдивости; оно само вытекает из этой правдивости. Чтобы сочувствовать страданиям женщины, чтобы оправдать ее, не нужно подкупать себя в ее пользу; надо только смотреть на вещи простыми, невооруженными и непредубежденными глазами.

Писемский вполне понял значение этой мысли и с свойственною ему неумолимою и притом бессознательною последовательностью провел эту мысль во всех своих произведениях.

Прочтите, господа читатели, его рассказ "Виновата ли она?", помещенный во втором томе его сочинений, и вы увидите, как просто и честно относится он к вопросу о женщине.

Хотелось бы мне подольше остановиться на отношениях Писемского к женщине, но я потратил много времени на разбор менее отрадных явлений, и потому приходится кончить.

1861 г. Декабрь.

ПРИМЕЧАНИЯ

Писемский, Тургенев и Гончаров

Женские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова

Обе статьи тематически тесно связанные между собою, первоначально появились в журнале "Русское слово" за 1861 г. (первая статья - в кн. 11; вторая - в кн. 12). Затем вошли в ч. I первого издания сочинений (1866). Разнотечения в этих двух прижизненных публикациях незначительны. Даты под статьями выставлены в первом издании. Здесь воспроизводятся по тексту первого издания с исправлением мелких его погрешностей по тексту "Русского слова".

Развернутая в этих статьях критика отношений, господствовавших в феодально-крепостническом обществе, и защита прав личности вызвали резкие нападки на Писарева со стороны реакционеров и царской цензуры. Характерна история рассмотрения этих статей в цензуре после выхода в свет ч. I первого издания сочинений. В отношении цензурного комитета в Главное управление по делам печати от 22 марта 1866 г. говорилось:

"В... критических статьях... содержатся рассуждения автора о достоинствах замечательнейших сочинений гг. Гончарова, Тургенева и Писемского и, по этому поводу, о различных житейских вопросах современного русского общества. Из этих рассуждений в цензурном отношении обращают на себя внимание взгляды автора: 1) на супружеские отношения, 2) на воспитание детей, 3) на взаимные обязанности родителей и детей и 4) на религиозные внушения". И далее, формулируя пункты обвинения в отношении данных статей, цензурный комитет указывал на резкую критику со стороны Писарева воспитания в буржуазно-дворянской семье, калечащего детей, на критику складывающихся в этой семье ненормальных отношений между детьми и родителями (см. статью В. Е. Евгеньева-Максимова "Писарев и охранители" - "Голос минувшего", кн. 1-4, 1919, стр. 144-145).

1 Нравственная философия - устарелый термин для обозначения социологии, науки об обществе, сводившейся у социологов-идеалистов, пользовавшихся этим термином, к отвлеченной постановке этических проблем.

2 Намек на расправу немца Вергейма с извозчиком в Петербурге - см. прим. 52

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.

к статье "Схоластика XIX века".

3 Ср. строки Некрасова о русском крестьянине в стихотворении "Размышления у парадного подъезда":

Стонет он по тюрьмам, по острогам,
В рудниках на железной цепи;
Стонет он под овином, под стогом,
Под телегой, ночуя в степи.

Цитата из стихотворения Некрасова, запрещенного цензурой до 1863 г., была возможна только в виде краткого намека, хорошо, впрочем, понятного читателю ввиду широкого распространения этого стихотворения в списках среди демократической интеллигенции (в 1860 г. оно было также опубликовано в "Колоколе" Герцена).

4 "Эпилог к ненаписанной поэме". - Под таким названием и в изуродованном виде из опасения цензурных преследований была напечатана Некрасовым в февральской книжке "Современника" за 1858 г. поэма "Несчастные", посвященная изображению царской каторги. - "Живя согласно с строгою моралью" - стихотворение Некрасова "Нравственный человек" (1846).

5 В годы учения в Петербургском университете Писарев был близок к литературному кружку Майковых. Положительная оценка поэзии А. Н. Майкова характерна для начального периода деятельности Писарева в "Русском слове". Первый полемический выпад против поэзии Майкова как проявления "чистого искусства" был сделан Писаревым в статье "Цветы невинного юмора" (1864).

6 "Очерки кругосветного плавания" - "Фрегат "Паллада" Гончарова; книга печаталась отдельными очерками в разных журналах, начиная с 1855 г.; отдельным изданием вышла в 1858 г.

7 Резкая оценка известного филолога И. И. Срезневского (1812-1880), основоположника истории русского языка как отдельной дисциплины, характерна для отношения к нему Писарева (см. ее развитие в статье "Наша университетская наука", даны, изд., т. II).

8 Бешметев - действующее лицо в повести Писемского "Тюфяк".

9 Имеются в виду два произведения так называемой "обличительной литературы" конца 1850-х гг. (см. прим. 30 к статье "Схоластика XIX века"): комедия В. А. Соллогуба "Чиновник" (1856), где выступает "добродетельный" чиновник Надимов, шумно обличающий взяточничество и пр., и комедия Н. М. Львова "Предубеждение, или не место красит человека, а человек - место" (1858).

10 См. прим. 32 к статье "Схоластика XIX века".

11 В романе "Орас" Жорж Санд в лице героя произведения, по имени которого назван роман, выведен тип либерального фразера, заботящегося в конечном счете лишь о своем преуспевании.

12 См. прим. 7 к статье "Идеализм Платона".

18 "Русская беседа" - см. прим. 2 к статье "Схоластика XIX века". Члены - еженедельная славянофильская газета, издававшаяся Ив. Аксаковым с 15 октября 1861 г. до 1865 г.

14 Московскими доктринерами Писарев иронически называет М. Каткова и других постоянных сотрудников "Русского вестника".

15 ...некоторые девушки ходили на лекции в университет... - См. прим. 13 к статье "Схоластика XIX века". -...и ходят до сих пор в Медико-хирургическую академию. - Медико-хирургическая академия стала доступной для женщин в 1861 г.

16 В киевской газете "Современная медицина" в 1861 г. был помещен фельетон, в котором реакционный автор пошло зубоскалил на тему о том, как же женщины-врачи, если они появятся, будут лечить мужчин.

17 Т. е. в статье "Писемский, Тургенев и Гончаров".

18 См. статью Писарева 1859 г. "Обломов". Роман И. А. Гончарова" в этом томе.

19 Свистуны - см. прим. 23 к, статье "Схоластика XIX века".

20 "Русский вестник" - см. прим. 1 к статье "Схоластика XIX века".

21 "Отечественные записки" - см. прим. 3 к статье "Схоластика XIX века".

22 Имеется в виду эпизод из комедии Шекспира "Сон в летнюю ночь". Царица эльфов Титания под действием чар царя эльфов карлика Оберона, ревновавшего ее и желавшего отомстить ей, влюбилась в ткача Основу, голова которого, под действием тех же чар Оберона, превратилась в ослиную.

Спасибо, что скачали книгу в бесплатной электронной библиотеке
<http://filosoff.org/> Приятного чтения!

<http://buckshee.petimer.ru/> форум Buckshee. Спорт, авто, финансы, недвижимость. Здоровый образ жизни.

<http://petimer.ru/> Интернет магазин, сайт Интернет магазин одежды Интернет магазин обуви Интернет магазин

<http://worksites.ru/> Разработка интернет магазинов. Создание корпоративных сайтов. Интеграция, Хостинг.

ские типы в романах и повестях Писемского, Тургенева и Гончарова. Дмитрий Иванович Писарев filosoff.
<http://dostoevskiyfyodor.ru/> Приятного чтения!